Задонский паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 75 2010 год

Альманах издается по благословению Его Преосвященства Преосвященнейшего Никона, епископа Липецкого и Елецкого

Выходит с декабря 2000 г.

Учредитель:
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь Липецко-Елецкой епархии Русской Православной Церкви

Адрес редакции:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Телефон: (47471) 2-49-55

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446
от 01 июля 2005 г.

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **ПАСХАЛЬНЫЕ ПОСЛАНИЯ**

4 **БУДЕМ СТРЕМИТЬСЯ К БОГУ**
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

6 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо пятнадцатое

7 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

9 **ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ**
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

12 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником
«Об избавлении от злопамятности», ч. 3

16 **ИСТОРИЯ УСМАНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ**, ч. 5

18 **ХРИСТИАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ В РАСКРЫТИИ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Иеромонах Николай (Павлык), ч. 5

20 **УДИВИТЕЛЬНЫЙ СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АЛЕКСИЙ**, ч. 1

24 **ИНОЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ**, ч. 2

26 **ВСЯ ДУША ИЗЛИВАЛАСЬ В МОЛИТВЕ**
Рассказ

30 **РАЗБОЙНИК**
Рассказ. Е. Поселянин

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

Дорогие собратья архипастыри, всечестные отцы-пресвитеры, боголюбивые диаконы, благочестивые иноки и инокини, братья и сестры!

В светлый и мироспасительный праздник Воскресения Господня сердечно рад приветствовать вас вдохновенными и неизменно великими словами пасхального благовестия:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

В эту светозарную ночь мы пребываем в жизнеутверждающем всеобщем ликовании, ибо событие, которое произошло много веков назад близ древнего Иерусалима, имеет прямое отношение к каждому из нас. Более того, Воскресение Христово обладает поистине вселенским значением, ибо через него Спаситель даровал возможность обрести благодатное единство с Богом каждому откликнувшемуся на Его призыв: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25, 34).

Посему мы ныне совосклицаем вместе со Святителем Иоанном Златоустом: «Никто не рыдай о своем убожестве, ибо для всех настало Царство!» Празднуя Светлое Христово Воскресение, мы свидетельствуем о правоте этих слов, ибо каждый человек, даже самый последний грешник, искупленный кровью Христа, имеет надежду на спасение. За наши грехи, как и за грехи всего человеческого рода, заплачено драгоценной кровью Распятого. Чтобы воспринять плоды Искупления, нужно иметь веру и креститься (см. Мк. 16, 16). Большинство народа нашего крещено, но как же мало тех, кто имеет веру, способную изменить жизнь.

Перемена жизни во Христе не означает лишь перемену к лучшему. Это радикальное изменение, приводящее человека к торжеству жизни и полноте бытия (ср. Ин. 10, 10) как в нынешнем пребывании на земле, так и в веке грядущем.

И праздник Святой Пасхи помогает нам явственно почувствовать неразрывную связь не только с событиями двухтысячелетней давности, но и с грядущим торжеством «правды вечной» (ср.: Дан. 9, 24), когда «будет Бог всё во всём» (1 Кор. 15, 28). Мы учимся видеть в человеческой истории осуществление замысла Творца, осознавая глубину «богатства и премудрости и ведения Божия» (см.: Рим. 11, 33), которыми Всещедрый Создатель ведет человечество ко спасению.

Умение взглянуть на историю в свете Воскресения Христова особенно важно в нынешнюю эпоху — эпоху преобладания новостного взгляда на мир, когда чаяния и стремления человека ограничены сиюминутными заботами, и быстротекущее время заставляет наших современников забывать о том, что «дни лукавы» (Еф. 5, 16). Живя новостями, страхами и хлопотами одного дня, мы склонны забывать о самом главном — о спасении души, о Промысле Божием, благом и совершенном.

Воскресение же Христово позволяет всем нам возвыситься над суетой житейских будней, дабы увидеть подлинное величие Божественной любви, ради блага человека снисшедшей даже до креста и смерти. Поэтому нам так важно осознавать, что своим Воскресением Господь обновляет человеческую природу, даруя укрепление внутренних сил каждому христианину в его служении Церкви, стране, обществу, семье, ближнему.

Немалые трудности выпадают на долю и простого человека, и целых народов: люди сегодня по всему миру страдают от вражды, войн, бедности, болезней, одиночества, житейской неустроенности. Мир мечется в поисках лучшей жизни, отчаявшись найти ответ на свои вопросы в людской логике, политических технологиях или экономических рецептах.

Церковь и сама история свидетельствуют: жить надо по Слову Божиему. Тогда в свете Христова Воскресения нам откроется смысл происходящего, и мы обретем способность отвечать на самые опасные вызовы современности.

Пусть Воскресший Спаситель вдохнет и в наши души твердое намерение следовать Его заповедям!

Будем делиться друг с другом радостью нынешнего торжества! Согреем теплом сердец тех, кто сегодня страдает и испытывает лишения. Обратим пасхальное приветствие ко всем людям: и ближним, и дальним. Будем неленостно трудиться ради процветания стран, в которых мы живем.

Возношу горячие молитвы ко Господу о даровании нам жизни мирной и благоденственной. Да ниспошлет Он Церкви Своей помощь и силу усердно служить духовному благу окормляемых Ею народов, дабы все мы возрастали в вере, надежде и в любви.

Вновь обращаю к вам из глубины сердца своего торжественный возглас пасхальной радости о Боге, поправшем смерть и совоскресившем с Собою всё человечество:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

КИРИЛЛ,
Патриарх Московский и всея Руси,
Пасха Христова 2010 года, Москва.

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

ЕПИСКОПА ЛИПЕЦКОГО И ЕЛЕЦКОГО НИКОНА

Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь.

Стих святой Пасхи

Возлюбленные о Христе Воскресшем, боголюбивые пастыри, честные иноки и инокини, благочестивые миряне!

Торжествуя и радуясь всем сердцем, поздравляю вас с Великим и спасительным праздником Воскресения Христова и приветствую вас пасхальным целованием!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Вновь пришла к нам радость — Пасха Христова, пришла в наши храмы и жилища, в наши города и веси, в наши приходы и монастырские обители, в наши души и сердца и озарила нас светом ликующей пасхальной радости. В Огласительном слове на Пасху, которое в этот праздник читается в каждом православном храме, святитель Иоанн Златоуст говорит: «Никто не страшись смерти, ибо от нее свободила нас смерть нашего Спасителя».

Если Господь одержал победу над смертью, то и мы будем освобождать из цепких лап греха души человеческого общества, чтобы целомудрие, чистота, сила духа снова стали не просто добродетелями, а замечательным жизненным идеалом для молодежи и каждого христианина.

За прошедший год духовенством епархии было уделено большое внимание духовно-нравственному воспитанию молодежи и религиозному образованию в учреждениях Липецкой области. Дети участвовали в детских православных лагерях с. Кашары, с. Конь-Колодезь, в лагере «Солнечный», «Стрижата», «Сокол» и т.д.

Такие духовно-нравственные мероприятия для детей и молодежи, а также формы, способы и средства осуществления молодежной работы в Церкви являются духовной миссией и свидетельством о Воскресшем Христе. Живая проповедь Православия на доступном и ясном языке, подкрепленная личным примером благочестивой жизни и самоотверженного труда — самый действенный способ донесения христовой истины до молодого поколения.

Интерес молодежи к спортивным и военно-патриотическим мероприятиям с каждым годом увеличивается. В них принимают участие молодые люди, которые еще не воцерковлены и делают свои первые шаги к Церкви через участие в таких турнирах.

В рамках Свято-Тихоновских образовательных чтениях состоялись заседания секций и круглых столов, на которых обсуждались важнейшие вопросы духовно-нравственного воспитания и образования, проблемы науки и культуры в свете православного миропонимания, возрождения национальных традиций русской педагогики, особенности работы с молодежью, этические вопросы современной медицины.

«Богослужения являются центральной частью церковной жизни, — сказал Святейший Патриарх Кирилл, — однако активная миссионерская работа с разными группами потенциальных прихожан сегодня тоже чрезвычайно важна для Церкви». Используя все формы и методы работы с молодежью, мы обязаны донести им, что отношения между людьми, основанные на Христовой заповеди о любви, являются образцом христианской жизни.

Мы должны быть свидетелями Христа Распятого и Воскресшего, просвещать мир светом духовной радости, разума, мира, свободы. Исполним апостольский завет: «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1).

От всего сердца поздравляю вас, дорогие отцы, братия и сестры, с праздником Светлого Христова Воскресения!

«Воскресший Христос живет в человеке посредством Своих Богочеловеческих добродетелей. Они постепенно проникают в душу и неотступно выталкивают из нее грех, зло, смерть и диавола, а власть передают добру, любви, истине, безсмертию и Богу» — говорит преподобный Иустин (Попович) (Минск, 2001. Лучи Софии).

Вновь и вновь прошу вас, дорогие, совершенствоваться в вере и добрых делах, «дабы во всем прославился Бог через Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь» (1 Пет. 4, 11).

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

НИКОН,
Епископ Липецкий и Елецкий.
Пасха Христова 2010 года.
г. Липецк.

Будем стремиться к Богу

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь.
21 апреля 2009 г.

Со Светлым Христовым Воскресением поздравляю вас, дорогие братья и сестры! «Христос воскресе!» — в этих двух словах заключена вся наша проповедь!

Но эти слова могут звучать по-разному. Можно с радостью воскликнуть: «Христос воскресе!», а можно просто, безо всякого участия... Все зависит от того, что у нас на сердце. Если в нашем сердце озлобление или другие какие-то страсти, то, конечно, мы будем произносить это приветствие механически:

— Христос воскресе.

— Ну, воистину воскресе.

А когда у нас чистое сердце, на пасхальное приветствие: «Христос воскресе!», мы отвечаем с сердечной радостью, ибо Господь воскрес и воскрес для нас! И это воскресение Христово связано с нашей жизнью, с нашим будущим воскресением, *«ведяще, яко Воздвигий Господа Иисуса и нас со Иисусом воздвигнет»* (2 Кор. 4, 14), и *«Воздвигий Христа из мертвых оживотворит и мертвенная телеса»* наша (Рим. 8, 11).

Возрадуемся, дорогие, о воскресшем Господе! Веселым, звонким, теплым голосом воскликнем: «Воистину воскресе Христос!»

Как хорошо не иметь внутри ничего, кроме радости о Господе, чтобы жить с Богом, чтобы все наши попечения: и личные, и общественные — всё возложить на Господа. А самим бы только прославлять Его, угождать Ему, исполняя Его евангельские заповеди. Христос воскрес! Он любит нас, Он пострадал за наши грехи, и теперь Он с нами и постоянно печется о нас, желая нам спасения!.. А раз Господь печется и заботится о нас, то, уповая на Его всеблагой Промысл, понесем с радостью и труды, и скорби,

лишения и болезни — ведь всё посылается нам во благо, ради спасения вечного. Господь и Сам всё испытал в земной Своей жизни и перенес и скорбь, и радость, признание и поругание, любовь и смерть. И мы должны обязательно помнить об этом.

Но посмотрите, какая цель всего того, что Он понес на земле: цель — спасение каждого из нас. И как Бог избавил евреев от египетского рабства, так и *«Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав»* — так и нас выводит из рабства греха и смерти. «И как солнце, восходя, всю поднебесную освещает, всех радостотворит и согревает, — говорит святитель Тихон Задонский, — так и Христос, восстав из мертвых, всю вселенную просветил... сердца всех согрел и возвеселил». И вот в этот день мы радостно поем: «Просветимся, людие! Пасха, Господня Пасха... Пасха красная... Пасха таинственная, Пасха всечестная. Пасха двери райские нам отверзающая...» Для нас эта Пасха — переход из этой жизни в другую — новую, светлую и чистую. Переход от ночи ко дню.

Господь Своим воскресением разрушил ад, упразднил смерть. Господь даровал нам жизнь вечную. Как я вам уже говорил, эти слова можно просто воспринять механически, без смысла. Но когда мы глубоко вдумаемся в смысл слов: «Даровал нам жизнь вечную!», что-то обязательно трепыхнется у нас в душе. Таинственный смысл Пасхи — смерть и воскресение Господа нашего Иисуса Христа — вселяет нам, грешным, надежду. Пасха — это переход от греха к святости, от тьмы к Свету. Поэтому, чтобы не умереть душою, надо всегда пребывать в Пасхе. Для этого Церковь установила не только на Пасху, но и один день недели в течение всего года праздновать Воскресение Христово. Это самое величайшее событие, произошедшее на земле во всю историю человечества. И мы должны во всю свою жизнь славить и благодарить Господа, прославлять Его всей своей жизнью и надеяться наследовать те блаженные и райские селения, которые Господь уготовал нам от создания мира.

У каждого человека есть небесная обитель. Только нужно знать, что делать, чтобы наследовать её. Как в нее войти? Для этого Господь и пришел, дал нам Новый Завет, дал новую заповедь о любви. Дал нам возможность идти путем евангельским...

Христос воскрес — и апостолы, первые христиане, покидали дома и жили единой семьей. Почему они все оставляли, бросали свои имения? Потому что чувствовали великую благодатную силу воскресшего Господа. Вспомните, дорогие, сколько было мучеников ради Христа и как они страдали — их колесовали, казнили, четвертовали, сжигали... С апостола Варфоломея живого содрали кожу, апостола Петра распяли на кресте вниз головой, апостола Андрея Первозванного распяли на кресте буквой «Х», апостола Павла умертвили усекновением главы... Ради чего они терпели все это, ради чего шли на казнь? Ради воскресшего Господа! Какая сила давала им мужество? Воскресший Господь!

Пусть же Он Своею благодатью поможет и нам во всех испытаниях и скорбях, притеснениях и гонениях, которые выпадут и на нашу долю. И если Он даст нам крепость телесную, чтобы претерпеть муки, то обязательно и душу нашу воскресит в жизнь вечную.

Поэтому, дорогие, пока мы живы, будем стремиться к Богу, будем молиться и посещать храмы. А какое ликование и радость в пасхальные дни! Даже когда были закрыты храмы, не было служб, старые люди помнят, с какой торжественной радостью они встречали и праздновали Пасху. А сейчас, пока есть возможность прийти в храм, радостно во весь голос, во всеуслышание воскликнем:

— Христос воскресе!

— Воистину воскресе!

Пусть же Господь Своим Воскресением освятит вас, возродит вас, прославит и совоскресит вашу душу в жизнь вечную.

Христос воскресе!

Воистину воскресе Христос!

Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Письмо пятнадцатое

Поскольку печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению (2 Кор. 7, 10), по апостольскому учению, то в ней нужно нам всегда поучаться и иметь ее, дабы принести Господу нашему жертву живую — дух сокрушенный. Поэтому и я еще раз о том же пишу тебе, чтобы вкоренилась она в сердцах наших, что особенно от рассмотрения Божиих свойств почерпается.

1) Из Святого Писания видим, что Бог наш так велик, что весь свет и все народы пред Ним как ничто. Если же все люди и весь свет как ничто пред Ним, то насколько более — один человек. Но эта бедная тварь, малая горсть земли, прах и пепел, такого великого Бога, когда грешит, раздражает. Кто дерзнет земного царя раздражать? Бога, Царя Небес и земли, непостижимого в величестве, человек смертный не боится раздражать.

2) Бога нашего слава так страшна, что Его все Ангелы боятся и трепещут, повеления Его с радостью и с усердием исполняют, поклоняются Ему, и трисвятую песнь поют Ему: *Свят, свят, свят Господь Саваоф, полны небеса и земля славы Его* (Ис. 6, 3). Человек, земля и пепел, не трепещет пред славой Его, но не престает раздражать Его!

3) Бог наш везде и на всяком месте есть, поэтому, когда человек грешит, то пред Богом грешит, а так не воздает Ему должного почитания. Кто дерзнет пред царем земным безчинствовать? Разве что безумный. Ибо безчинием безчестие и досаждение царскому лицу делается. Человек согрешающий не стыдится и не ужасается пред Божиим присутствием безчинствовать и так безчестие и досаждение Ему оказывает. О, когда бы показалась хотя бы немного человеку Божия слава, непременно бы пал бездыханным, как апостолы, услышавшие только Божий глас, пали ниц и сильно испугались (Мф. 17, 6). Но ослепленный не понимает этого.

4) Бог наш истинен, так что, когда обещает что-либо, непременно будет то, и чем грозит нам, непременно то сбудется. Обещает вечную жизнь и грозит вечной мукой, но грешник этому не верит, ибо не кается истинно, без чего и муки избежать и вечную жизнь получить невозможно. Ибо только истинно кающиеся спасаются, а некающиеся погибают. Не кается же, потому что от грехов отстать не хочет.

О, если бы он истинно, действительно и живо уверился в вечной муке и вечной жизни, — в непрестанном бы сокрушении и печали был, избегая всякого греха, и всячески старался бы и воздыхал и молился Богу, дабы муки избежать и вечную жизнь получить, — что на истинно кающихся примечается. Но, к своему бедствию, не верит и так Бога истинного лживым делает. Не верующий Богу представляет Его лживым (1 Ин 5, 10).

Также, когда слышит в Святом Писании, что Бог, будучи праведен, воздаст всем по делам их, — благо творящим добро, а зло творящим зло, — не внимает и не верит тому. Ибо, если бы верил, непременно бы уклонялся от всякого зла и старался бы творить всякое добро, надеясь от Бога обещанное добро получить и от зла избавиться. Если же человек ему что обещает, то верует тому, потому что видит то, что он обещает, и боится того, чем грозит, ибо перед глазами его предстоит. Бог обещает и грозит, но он не верит, потому что не видит того, что обещает и чем угрожает, и так хулит Бога. Поэтому неверие тяжкая есть хула на Бога и корень всякого зла.

5) Бог наш есть высочайший Благодетель, создал нас, питает, одевает, сохраняет нас, солнцу повелевает на нас сиять и дожди посылает, дома и покой нам и прочие блага Свои подает, — и не любим Его, а раздражаем и сильно огорчаем Его. Человека-благодетеля, который не своим, но Божиим добром благотворит нам (ибо все добро — Божие), любим и благодарим, но Бога благодетеля, Который своим добром всегда и каждую минуту снабжает нас, так что без добра Его и минуты прожить не можем, — не любим и не благодарим, но, наоборот, оскорбляем и прогневляем. Такова наша к Богу неблагодарность!

6) Святое Писание, как благоприятное послание, через пророков и апостолов послал нам, в котором волю Свою святую открывает нам, и, как светильник, нам, во тьме неведения пребывающим, постановил, и, как врачебницу, ради исцеления немощей наших подал, и, как хлеб духовный, питающий души наши, и как источник живой, прохлаждающий нас, даровал нам, — но все это презираем, и слова Его, и Его

Самого не любим, но, наоборот, раздражаем.

7) Единородного Сына Своего ради нас в мир послал, чтобы благодатью Его спасались, что является верхом всех благодеяний, но мы, как посланного Сына, так и пославшего Отца не любим, не благодарим Его за такое великое дело Его. Какая большая может быть неблагодарность? Поэтому само небо и земля, все святые Ангелы и избранные Его вознегодуют на нас за такую нашу неблагодарность, если не обратимся к Нему с чистым покаянием, сожалением и сокрушением сердца.

8) Бог весьма желает и алчет и жаждет нашего спасения, так что и Сына Своего Единородного ради нашего спасения не пощадил, но предал Его за всех нас (Рим. 8, 32). Но мы нераскаянной нашей жизнью Его спасительной воле противимся и так весьма Его оскорбляем. Такая наша слепота, развращение, злость и такая тьма и ожесточение объяли сердца наши! Что Бог мог сделать более для нас, если и Сына Своего ради нас не пощадил? Но мы всей этой Его благодатью пренебрегаем. Так нас сатана уязвил! Так помрачил тьмой своей! Так ожесточил злобой своей!

Рассматривай эти пункты, особенно в уединении и в ночное время, и с помощью Божией породится в тебе дух печали ради Бога, сокрушения и умиления.

Спасайся.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Егда молишися, не буди якоже лицемери... Помолися Отцу Твоему, иже в тайне...

(глава 6, зачало 16)

Научив милостыне, Господь поучает молитве. ***И егда молишися***, когда возносишь свой ум и сердце к Богу, в благоговении прося у Него милости, благодаря Его за благодеяния, прославляя Его святое имя, — ***не буди якоже лицемери: яко любят в сонмищах*** — в синагогах — ***и в стогнах путий стояще*** — нарочно останавливаясь на перекрестках улиц, ***молитися, яко да явятся человеком*** — чтобы быть на виду у всех. ***Аминь*** — истинно ***глаголю вам, яко восприемлют мзду свою***. «Эти лицемеры, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — притворяясь, будто молятся Богу, только смотрят на людей и, таким образом, представляют из себя человеков не молящихся, но смешных. Кто истинно желает молиться, тот забывает всех и взирает только на Того, Кто силен исполнить его прошение. Спаситель не сказал, что таковые не примут мзды, но что *восприемлют мзду свою* — разумеется, от тех, от кого сами желают — от людей. Для Бога они ничего не сделали, ничего от Него и не получат». Мало того, они ставят Бога как бы ниже себя, делают самих себя идолами, которым люди должны кадить похвалами.

Вот от таких-то нечистых расположений и предохраняет нас Спаситель, когда говорит далее: ***ты же, егда молишися, вниди в клеть твою*** — в уединенную комнату, какие бывали в домах благочестивых иудеев для домашней их молитвы, а наипаче вниди в уединенную храмину души твоей, собери свои рассеянные помыслы, устреми все свои мысли и чувства к единому Богу, забудь все, тебя окружающее, ***и затворив двери твоя*** — наипаче двери сердца твоего или телесные чувства твои: зрение и слух, чтобы туда не проникало никакое земное, житейское попечение, никакое греховное пожелание, и таким образом ***помолися Отцу твоему*** Небесному, ***Иже в тайне***, Который присутствует везде, даже и там, куда не проникает глаз человеческий. — К Нему возопий из глубины сердца твоего, как вопиял Моисей, как взывала мать Самуила пророка Анна, как взывал Давид: *из глубины воззвах к Тебе, Господи!* — ***и Отец твой, видяй в тайне***, видящий все сокровенное, услышит твою молитву и соделает Себя должником твоим: не просто — даруем, но как должник — ***воздаст тебе явне***.

Где бы ты ни совершал молитву: в уединенной ли комнате или в храме среди множества людей — одно помни: кто ты, ничтожное творение, и Кому ты молишься? «Бог, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — везде смотрит на наши намерения. Если и в клеть войдешь и затворишь за собой двери, но если сделаешь это по тщеславию, то затворенные двери не принесут тебе пользы. Господь желает, чтобы ты, прежде чем затворишь их, изгнал из себя тщеславие. И без этого порока во время молитвы всюду блуждаем своими мыслями; а когда приступим к молитве с тщеславием, тогда и сами не услышим молитв своих. Как же можем надеяться, что Бог услышит нас?»

«Что же, — вопрошает блаженный Феофилакт, — ужели не должно мне молиться в церкви? Напротив, должно, только с чистым намерением, а не с тем, чтобы видели это люди, потому что не место вредит нам, но внутреннее расположение и цель. Многие, и втайне молясь, делают это для того, чтобы нравиться людям». А кто хочет, тот и в церкви исполнит заповедь Господню о тайной молитве. Так преподобный Арсений Великий, когда приходил в церковь, то становился за столбом, чтобы никто не видел лица его и чтобы самому также не смотреть на других. Святитель Димитрий Ростовский, когда жил в Киево-Печерской Лавре, тоже всегда в церкви становился в уголок, чтобы его не видно было.

Между тем, молитва церковная несравненно выше домашней. «Говорят, — пишет святитель Златоуст, — "могу молиться дома". Ты сам себя обманываешь, друг мой. Правда, ты можешь дома молиться, но не можешь молиться так, как в церкви, где возносится к Богу единодушный глас. Ты не можешь так возноситься, когда один станешь призывать Господа, как можешь возноситься, когда стоишь вместе с братиями: здесь есть нечто более — союз любви, молитвы священников. Для того и поставлены священники, чтобы молитвы народа, которые могут быть слабы, соединяя с более сильными, возносить на Небо. Апостол Петр освободился из темницы, ибо "*церковь прилежно молилась о нем Богу*" (Деян. 12, 5). Если же церковная молитва была полезна для Петра, то почему, скажи мне, ты презираешь ее силу и какое имеешь оправдание в этом?..» Об этом же говорит и наш святитель Алексий, митрополит Московский: «Не может домашняя молитва иметь успеха без молитвы церковной. Как храмина не может согреться от одного дыма, без огня, так и та молитва без церковной. Церковь есть земное Небо; в ней закалается Агнец Божий в очищение грехов всего мира; в ней проповедуется слово Божие; в ней невидимо осеняют престол славы Божией Херувимы, в ней руками священников приемлется и подается верным Божественное Тело и Кровь Христовы. Вот что такое церковь, как же можно заменить молитву церковную молитвой домашней?» В церкви Божией молятся купно с нами и небесные наши заступники, святые Божии; молится сама Царица Небесная с Ангелами и Архангелами: так, Андрей, Христа ради юродивый, видел Матерь Божию во храме Влахернском, за весь мир молящуюся и всех покрывающую честным своим омофором. В молитвах церковных мы видим и образцы молитв, какими можем молиться дома; в молитвах церковных все веет благодатью Животворящего Духа Божия, по внушению Которого написаны и самые молитвы церковными святыми людьми.

В молитве Богу нужны не слова наши, а наше сердце; вот почему Господь и говорит далее: ***молящеся же***, когда молитесь, ***не лишше глаголите***, не говорите лишнего, неприличного, не просите у Бога себе безполезного, суетного, ***якоже язычницы***, как это делают идолопоклонники: в своих длинных молитвах они много пустословят, перечисляют имена своих идолов, просят у своих ложных богов разных греховных и богопротивных удовольствий и думают, как думали жрецы Вааловы, которых обличил пророк Илия, что боги их бывают заняты чем-нибудь, а потому надо больше взывать к ним: ***мнят бо, яко во многоглаголании своем услышани будут***. «Под многословием, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — Господь разумеет здесь пусторечие, например, когда у Бога просим власти, славы, богатства, словом, всего, что безполезно для нас». ***Не подобитеся убо им*** — не подражайте им в таком легкомыслии, которое только оскорбляет величие Божие, ***весть бо*** — ибо знает ***Отец ваш, ихже требуете***, в чем вы имеете нужду, что вам полезно, — все знает лучше вас самих и ***прежде прошения вашего***. «А если Он знает, — вопрошает святой Златоуст, — то для чего и молиться? Не для того, — отвечает он же, — дабы тебе известить Его, но для того, чтобы преклонить Его, дабы через непрестанную молитву соединиться с Ним, дабы смириться перед Ним, дабы вспомнить грехи свои».

Богопротивно думать, что нам не нужно молиться потому, что Бог знает наши нужды; Бог всегда готов все даровать человеку, но человек не всегда готов принять от Него что-нибудь. Чтобы нищему принять милостыню, ему надобно протянуть руку; чтобы младенцу принять пищу, ему надобно раскрыть уста; подобно этому и человеку надобно молиться, чтобы принять от Бога дары Его. Молитва есть простертая рука для принятия благодати Божией, отверстые уста для вкушения пищи Небесной. Вот почему Господь, сказав: *весть Отец ваш Небесный, ихже требуете*, тотчас же предложил и образец Своей молитвы. Он Сам говорит далее: *просите, и дастся вам* (Мф. 7, 7). Он Сам проводил целые ночи в молитве и Своими притчами о вдовице, которая немилосердого и жестокого судью преклонила на милость неотступной просьбой, и о друге, который безвременно пришел к соседу и поднял его с постели своим неотступным прошением, — такими притчами заповедует нам в простоте сердца открывать Ему наши прошения. Все дело в том, чтобы, молясь устами, молился ты и сердцем, молился с чувством благоговения, с верой несомненной и с любовью к Богу. А будешь ли молиться кратко или долго, минуту или час, в кратких или многих словах — это все равно: Бог примет молитву твою. Преподобный Епифаний говорил: «женщина Хананейская кричит и услышана; кровоточивая молчит и ублажается; фарисей взывает и осуждается, а мытарь едва отверзает уста свои и — услышан».

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 35

Из воспоминаний рабы Божией Аллы, г. Таганрог

(часть 3)

Батюшке были открыты судьбы многих...

Батюшкина молитва была очень высока пред Богом. Ему были открыты судьбы многих. Он говорил: «Обо всех всё открыто: кто замуж выйдет, кто в монашество пойдет, но сказать никому нельзя, потому что одни возгордятся, а другие в уныние впадут». И потому он просто молился о нас – не убеждал, не уговаривал, а просто молился... Как апостол Павел писал: «Вас млеком надо питать. Вы твердую пищу не можете сейчас употреблять».[1] Вот так и Батюшка начинал с малого – подход к нам искал как к детям – «млеком питал».

Помню еще в Таганроге, когда мы только-только в церковь пришли и совсем ничего не понимали, Батюшке уже был открыт путь каждого из нас. Он видел в нас детей и обращался с нами очень мягко. Если кому был спасителен путь монашеский, то Батюшка никогда не говорил: «Не выходи замуж!» Ну вот представьте сразу сказать человеку такое: «Ты замуж не выходи!» – кто же это правильно воспримет? Батюшка просто молился и потихоньку направлял нас, обращаясь с нами по-детски: «Вы поезжайте в монастырь. Там увидите...» – вот таким путем. А потом сам умолял Бога, чтобы жизнь наша сложилась по Воле Его.

Помню, сидим как-то раз, а к нему женщины приехали и жалуются: «Батюшка, у меня муж пьет, курит, обижает...» – свои обиды рассказывают на мужей. А он смотрит на меня и говорит: «Сестра Алла, ты слышишь? Вот если бы ты замуж вышла, у тебя точно такая бы жизнь была!» Все он делал постепенно: возрождал, поднимал к духовной жизни – вел нас своей молитвой.

* * *

Нельзя сказать, что Батюшка не благословлял девиц замуж. Есть немало духовных чад, которые создали семьи по Батюшкиному благословению. Но некоторым Батюшка не мог открыть всего сразу (например, что какая-то душа не понесет подвига одиночества) – человек на тот момент, жаждая подвигов, просто не вместил бы этого. Одна раба Божия Александра вела очень строгую ду-

ховную жизнь: одно платье носила, один платочек – видно было, что в ней горел огонь ревности. Однако Батюшка заранее предвидел ее замужество и, как бы поучениями, говорил с ней. Но тогда, видно, смысл его слов до нее не доходил.

И вот уже в преклонном возрасте Александра действительно вышла замуж. Все это было тайно, скрыто от всех. Прожила замужем она совсем недолго и умерла. Мы, когда узнали, конечно, очень удивились. Нам было ее жалко – ведь все думали, что из нее получится строгая монахиня. А Батюшка ведь ее предупреждал...

* * *

Был еще такой случай. Приезжала к Батюшке раба Божия Ангелина. Он говорил ей: «Если замуж будешь выходить, то повенчайся». Но тогда никто не ожидал, что станется с ней – она вела очень духовную жизнь, была скромная, тихая... Предчувствуя недоброе, Батюшка сильно безпокоился и послал Мариво Москвичеву на родину Ангелины: «Узнай, что с ней».

Оказалось, что она закончила медучилище, ее послали отрабатывать в какую-то деревню, и там она вышла замуж. Муж ее был или председателем, или каким-то еще «большим» человеком, но неверующим. Батюшка, конечно же, переживал. Посылки ей слал – пытался «достучаться», ведь девушка под влиянием мужа могла вовсе отпасть от веры. Но позже Ангелина написала ему: «Чтобы ты больше мне посылок не слал», – видно, душа ее не выдержала борьбы...

Батюшке была открыта участь душ и после смерти...

Мать Параскева была на послушании у Владыки Зиновия, делала свечи для церкви. А сын ее Иван работал водителем такси. Однажды Параскева упала и сломала руку. Врачи сказали: «Безнадежна: уже пошло заражение крови». Ее сын пришел к отцу Виталию и плачет: «Батюшка, помолитесь, чтобы мама выжила!» Врачи сказали, что безнадежна, а он все равно плачет и упрашивает: «Батюшка! Батюшка!» А Батюшка молчит. Но Иван умолил его, и отец Виталий вымолил Параскеву – она осталась жива. Руку у нее, правда, отрезали. А потом Батюшка об этом сказал: «Если б она умерла, она бы в таком была месте хорошем! Потому что на послушании умерла бы. А теперь какую бы она жизнь ни вела, а то место не получит». Ему было все открыто.

* * *

Помню, заболела моя мама. Случился приступ, и она из церкви сразу в больницу попала. У нее воспалился желчный пузырь, закрылись протоки, – в общем, совсем плохо стало. Под капельницей лежала, уже при смерти была. Да только вот за детей сильно переживала...

Я заскорбела, а Батюшка мне пишет: «Не скорби, мама жить будет». Я с этим письмом – в больницу: «Мама, ты жить будешь!» Мама, конечно, обрадовалась. Но, видимо, Батюшка уже говорил о жизни вечной и прислал посылку, а в ней: сухарики.

---

[1] Ср.: «*Для вас нужно молоко, а не твердая пища. Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла*» (Евр. 5, 12-14) (*прим. ред.*).

книжечки святые и ленточка черная. Я думаю: «Ой, черненькое – что-то к трауру». И еще в посылке был ангел-херувимчик. Я подумала: «Что ж такое? Притча какая-то». Потом я приезжаю к нему, а он говорит: «У тебя сестра родная – Ангелина». Я долго думала, но так и не поняла, о какой родной сестре Ангелине Батюшка сказал.

А всё очень интересно получилось. В феврале умерла мама рабы Божией Анны – инокиня Евфалия. И когда мы хоронили матушку Евфалию, моя мама увидела – говорит: «Ой! Да если б меня так, то я готова и сейчас умереть. Ой, какая счастливая! Инокиня! Как бы я хотела принять иночество!» Позже мы получили письмо от Батюшки, где он писал: «Что желаете – Господь сподобит». Представляете? Все уже провидел. А мама так возрадовалась: «Ой, как хочется!»

И вскоре, в мае, от Батюшки приехала матушка Мария с благословением для моей мамы на постриг. Мама была, конечно, очень рада. В нашей церкви тогда временно служил иеромонах Феодосий (Царство ему Небесное, раб Божий был). Мать Мария пригласила его, и за три дня до смерти над мамой был совершен монашеский постриг, и нарекли ей имя «Ангелина». Вот, оказалось, о чем было предсказание Батюшки.

Инокиня Евфалия умерла в феврале, а моя мама – в мае того же года. Так быстро исполнилось ее желание. После ее смерти я поехала к Батюшке, а он мне говорит: «Знаешь, не только маме хорошо, но и всем родственникам стало лучше».[2]

* * *

После мамы умер мой папа. Он был партийный, Бога не признавал. Я все переживала за его смерть. Но по молитвам старцев, находясь уже на смертном одре, он все же согласился на принятие святых таинств соборования и причастия.

Я оставалась еще в Таганроге, а моя подруга Мария поехала в Тбилиси и рассказала, что у Аллы умер папа. Когда Владыка Зиновий услышал об этом, то перекрестился и сказал: «Слава Тебе Господи, что такая кончина». Все боялись более худшего – что папа умрет, так и не сделав ни единого шага к Богу. Потом я приехала к Батюшке и рассказала о смерти отца. Батюшка мне и говорит: «А ты знаешь, папа в аду. Но ты не скорби, а молись».

Прошло уже много времени, но я верю, что по молитвам старцев папина участь облегчена. Снится мне однажды сон, как я медленно-медленно тяну папу из колодца темного. И так это все тяжело. Сама упираюсь туловищем за колодец – и все-таки медленно, но вытянула его на свет... Конечно, это не «я» сама тянула – помогла общая молитва всей Церкви.

* * *

Однажды наша тетя позвала нас: брата, сестру, меня – отметить «золотую» свадьбу. Они очень хорошо прожили с мужем 50 лет. Я – сразу же за благословением к Батюшке, спрашиваю: «Тетя Шура зовет на «золотую» свадьбу. Как мне поступить?» А он вдруг отвечает: «Езжай».

И вот мы собрались вместе – встретились все родственники. Поздравили юбиляров, посидели за столом, но не танцевали и не пили. Потом моя тетя Шура дала мне деньги и сказала: «Алла, я знаю, что меня никто не будет поминать в храме, кроме тебя. Девочки воспитаны все по-современному, не знают ничего, из них одна лишь крестилась, а те даже некрещеные». Жили они материально очень хорошо, не нуждались ни в чем, но понимание Бога для них было недоступно.

И что вы думаете – через два месяца тетя умирает. Думаю: «Вот какой Батюшка! Все знает! Казалось бы – зачем мне туда ехать? А Батюшка все заранее знал». Когда она умерла, я по возможности как могла ее поминала, а потом поехала к Батюшке. Саму любопытство разбирает, хотя я и знаю, что Батюшка таких вопросов не любит. И все же я выбрала момент, спросила: «Батюшка, простите, так мне хочется знать – какова же участь моей тети Шуры?» И он ответил: «А ей там хорошо».

Представьте ее положение: она очень болезненная была, никуда из дома не выходила – была грузная, полная. А по характеру – очень добрая. Много милостыни подавала. В церковь сама она почти не ходила, но когда ее подруга детства шла в храм, тетя Шура всегда давала ей деньги на просфоры и свечи. И я подумала: «Человек не так часто посещает храм – казалось бы, что за участь ждет его в будущем?» А Батюшка сказал, что ей там хорошо[3].

Батюшка все брал на себя

Часто Батюшка брал на себя страшные человеческие грехи, вымаливал этих людей, сострадая им.

Однажды приехала женщина – скорбела, каялась... Но, видно, греховный «багаж» у нее был очень тяжелый – по канонам таким людям полагается серьезная епитимия, в том числе отлучение от причастия на долгий срок. А смогла ли бы она все это понести? Видно, Господь открыл отцу Виталию состояние ее души и то, что она уже «не жилец» на этом свете, и Батюшка все грехи ее взял на себя, допустив до причастия. После этого случая он слег в постель – сильно заболел – так вымаливал эту душу. А вскоре умерла и та женщина.

Об этом отец Виталий нам потом сам рассказывал. Но говорил как бы не о себе, а вроде как об отце Андронике, которого сильно бил бес, когда тот вымаливал грешную душу. Рассказывая поучительные истории о действии благодати Божией, старцы всегда перекладывают свой молитвенный подвиг на другого. Так, Батюшка говорил: «Отец Андроник, когда молился, на каждого Дух Святой сходил. Вот за город Таганрог молился – на город Дух Святой сходил, благодать сходила». Мы-то уж понимали, о чьих молитвах речь идет...

* * *

Когда болел Владыка Зиновий, всегда звал на помощь отца Виталия. Батюшка приезжал к нему, садился около него и молился – и вскоре Владыка поднимался.

Часто отец Виталий спрашивал нас: «Скажите, а можно взять на себя болезнь другого?» Мы тогда и не знали, что ответить. А он ведь всё брал на себя по слову Христову...[4]

---

[2] Видно, особой благодати сподобляется душа, посвятившая себя Богу, и эта благодать распространяется на весь род (*прим. ред.*).

[3] Воистину, один суд человеческий, и совсем другой – Божий. Как сказал один из недавних подвижников благочестия: «Мы очень удивимся, попав в загробную жизнь. Потому что увидим в Царстве Небесном тех, кого вовсе не ожидали там увидеть: так же и в аду обнаружим тех, о ком и помыслить не могли, что они окажутся в этом ужасном месте» (*прим. ред.*).

[4] «*Сие заповедаю вам, да любите друг друга. ...Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своя*» (Ин. 15, 13-17) (*прим. ред.*).

ПАСХАЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О БАТЮШКЕ

Пасха 80-го года

Хочется вспомнить, как мы с Батюшкой встречали Пасху в Загорске – нынешнем Сергиевом Посаде.

Это было где-то в 80 году, был еще жив отец Иннокентий (Просвирнин). Он очень любил Батюшку и всем сердцем прилепился к нему.

В то время отцу Виталию сделали операцию в Москве, и мы очень переживали за него. Многие даже не чаяли после операции увидеть Батюшку живым – так серьезно он тогда болел. Всем была роздана Псалтирь, читали кафизмы.

После выписки Батюшка пребывал еще в очень тяжелом состоянии. Ему нужен был уход и покой. В Загорске в частном доме жила родная сестра отца Иннокентия с двумя дочерьми. У них был необыкновенный дом – старинный, двухэтажный, и отец Иннокентий с радостью пригласил туда Батюшку.

Мы, конечно, поехали его проведать. Отец Виталий до того был сухонький и худенький, что когда в первый раз поднимался с постели к нам навстречу, мы боялись, что он упадет...

Но мы были не единственные, кто стремился навестить Батюшку. В Загорске его очень полюбили, к нему часто приходили семинаристы и другие люди, среди которых был и Владыка Питирим (Нечаев).

В то время Владыку Питирима направили в Америку, он очень переживал за эту поездку. Ведь время было такое... Надо было знать, что говорить. С этим он и пришел к отцу Виталию, они долго беседовали. После Батюшка ставил свечи и молился о нем. По возвращении из Америки Владыка очень благодарил Батюшку: «Я так чувствовал Ваши молитвы! Такие были моменты у меня, такие были вопросы, что растеряться нельзя и дать надо умные, правильные ответы, чтобы никого не подвести». Слушая его, Батюшка тихонько улыбался.

И вот нам пришлось встречать Пасху в Загорске. Знаете, эта Пасха запомнилась на всю жизнь! Такое торжество было! Конечно, на Литургии мы все причастились, а вернулись со службы – спать было некогда. Радость была великая!

Собираем трапезу. Мы привезли из Таганрога много гостинцев. Уже и солнце в зените, а мы еще не разговляемся! Дома-то мы бежим скорей разговляться, а там некогда. Там столько радости: общение, беседы, поздравления! Ходим, кто с первого этажа на второй, кто наоборот, Батюшка ликует, что-то рассказывает нам. Отец Иннокентий тоже что-то рассказывает, всех поздравляет, сам улыбается. Такая радость была!

Пригласили за стол, а на столе, конечно, чего только нет! Ради Пасхи всех матушек облачили в белые апостольники. Гостей было больше двадцати человек. Отец Иннокентий пригласил людей из Лавры, а еще – главного архитектора города Москвы с женой. Они уже старенькие были – муж и жена, но очень верующие люди. Это была такая интересная пара! Их так и называли: «голубь и голубка». Один без другого – никуда. Сидели рядышком, но если один ненадолго куда-то отлучался, то другой уже безпокоился. Культурные люди, старинного склада. Батюшка, глядя на них, улыбался – какая между ними была любовь, как сохранилась! И другие были гости: еще какие-то батюшки, сестры духовные пришли, да и мы приезжие... Покушали – пошли на отдых. А тут Батюшку всё идут поздравлять с Пасхой семинаристы – один за другим!

Вечером пошли на пасхальную службу в семинарию. Пришли в храм, а там столько людей, незнакомая молодежь. Помню, стоим мы с сестрой Марией как в тисках, но ликование великое! Вышли священники, мы насчитали 22 пары – да словно плывут. До того умилительно! Пение необыкновенное...

У окна около нас стоял молодой парень – глаза восхищенные. И спрашивает у нас:

– А что, принимают в семинарию?

– Да, принимают.

– Я в этом году окончу институт и обязательно поступлю в семинарию!

Сколько радости чувствовалось! На всех такая благодать сошла, все ликовали. Вот такая Пасха была. На всю жизнь...

Предпоследняя Пасха

Навсегда запомнилась и Пасха, которую мы провели рядом с Батюшкой в последний раз. Это была предпоследняя Пасха перед его смертью. Я всегда любила приезжать к ним на Страстную неделю. Там, конечно, велась очень активная подготовка к Празднику. Яйца мы красили по тысяче штук! Пасхи пекли... Батюшка ведь всегда раздавал их в больших количествах. Всем, кто приходил поздравлять – по несколько штук, да и в храм нам с собой давал, чтоб раздавали. Это же сколько надо яиц и пасок! Вот и трудились всю неделю, но по молитвам отца Виталия особой тяжести не ощущалось.

Помню, окончили приготовления к Празднику и пошли на всенощную. В тот год Батюшка еще служил, хотя уже тогда ему было очень тяжело, да и от изобилия благовоний в храме у него очень болела голова (после операции он уже не мог безболезненно переносить запахи).

Многим приходилось бывать на пасхальной всенощной, но когда служил наш Батюшка, чувствовалось особо благодатное состояние. В это время, казалось, храм переполнен благодатью! Мы же старались встать поближе к алтарю, чтобы видеть священство и нашего Батюшку, ощущать близость всего этого торжества...

После службы отправились домой разговляться. Конечно, все ослабели после Великого Поста и предпраздничной суеты... Батюшка всегда учил нас, как разговляться: сначала пасху, яйцо, чай – и после в тот день отправил нас отдыхать. Хотя раньше он всегда говорил: «После причастия спать не надо. А особенно на Пасху, когда благодать особая!» – обычно после разговения мы беседовали, а если кто начинал дремать, то Батюшка тихонечко по голове пальчиком – и куда весь сон девался! А потом, когда уже видел, что мы в изнеможении, жалел и разрешал нам отдохнуть.

В тот день мы легли, а он все ходил и ходил по двору, по улице... Помню, пошел тогда дождичек, а Батюшка вышел на крыльцо, стоит... А потом сказал: «Это благодать...» – радовался. Всему радовался...

ОБ ИЗБАВЛЕНИИ ОТ ЗЛОПАМЯТНОСТИ

Часть 3

Вопрос: *Почему такое бывает: когда ждешь духовной поддержки – получаешь жестокие обличения. От этого становится невыносимо... Как же мне разобраться?*

Ответ: Дело в том, что мы слабые и еще не научились радоваться тому, что слышим о себе отрицательное. Мы не научились признавать правду, слышать о себе то, что мы на самом деле есть. И я сам такой же точно. И меня «прихватило» здорово, когда один батюшка сделал подобное обличение, пока Господь по молитвам старцев успокоил. Теперь говорю себе так: «Господи, я такой и есть, а человек не думал плохо сказать. Он сказал правду. Но привел это не для того, чтобы меня осудить, а чтобы именно показать, как мне тяжело».

Но ты спрашиваешь, как тебе разобраться, поэтому отвечу словами святителя Игнатия Брянчанинова: «Если Чаша Христова [страдания] кажется тебе невыносимою, смертоносною – она обличает тебя: называясь Христовым, ты не Христов».

Вопрос: *Совсем запуталась...*

Ответ: Поэтому нужно внимательно понаблюдать за собой. Пойми, если создалась ситуация, которая или угнетает, или как-то ломает, или даже, как может показаться – совсем невыносимая – следовательно, из этого явно видно, что мы ее проходим неправильно. И вот эта болезненность как бы сигнализирует нам о том, что была допущена какая-то ошибка в образе мыслей, чувств, пониманий и желаний, что у нас неверный подход, не христианское мировоззрение, а какое-то полуязыческое, страстное.

Вопрос: *А почему?*

Ответ: Потому что мы этим не занимались. Чаще всего это бывает, если наше христианское мировоззрение составлялось стихийно, несерьезно, необдуманно, непроверенно и несогласованно со святоотеческим учением. А так: где-то услышали, сами додумали, – и составили свое представление: как правильно относиться к тому, что нас оскорбляют или обижают, к проявлениям христианского благочестия, или даже как нам правильнее и удобнее было бы спасаться. Потому и ситуации воспринимаем неправильно, а от этого страдаем. И вот эти страдания заставляют нас задуматься и найти: а как же правильно нам начать мыслить, чувствовать и действовать, чтобы было богоугодно, чтобы мы радовались в скорбях? Как говорит апостол Павел: «*Радуйтеся, яко во искушения впадаете различные*». А для нас это чуждо.

Вопрос: *Другими словами, если мы правильно претерпеваем искушение, то скорби у нас не будет?*

Ответ: Даже радость будет, как апостол говорит: «*Всякую радость имейте, братия, да во искушения впадаете различные, потому что искушение вашей веры соделывает терпение*». А терпением мы спасаем свои души. Или как у святителя Игнатия Брянчанинова: «Для истинных последователей Христовых Чаша Христова [т.е. скорби] – чаша радостей».

Но для того, чтобы прийти в такое устроение, нужно внимательно понаблюдать за собой. То есть пересмотреть свои внутренние расположения: к самому себе, к ближним, ко всем обстоятельствам нашей жизни. Научиться воспринимать все духовно, а не по-человеческим страстям и пожеланиям, не по-мирски, и тем более не по-язычески. А у нас это все перемешано.

Надо понимать, что пусть даже самые неприятные скорби, но в них тоже сокрыта любовь и забота Божия. Ведь мы в основном заботимся о благополучии земном, чтобы у нас было более или менее «благоденственное и мирное житие», а Господь заботится, чтобы приготовить нас к вечности, чтобы мы исправили сам образ мыслей, расположений и принесли покаяние.

Ведь покаяние – по-гречески «метанойя» – это обновление, изменение ума. Почему святой Иоанн Креститель говорил, что «сотворите плоды достойные покаяния», и Церковь с такой силой и настойчивостью призывает всех к скорейшему покаянию. «Покаяние заключается в исполнении евангельских заповедей, при постоянном, болезненном расположении духа о своей греховности, при благодарном терпении всех случающихся скорбей, как праведного наказания за греховность, как наказания милосердого во времени, заменяющего собою вечные муки ада». А когда мы, раскаиваясь, говорим «прости» или каемся на исповеди, то это – только начало покаяния.

Вопрос: *Как же мне далеко до этого и как много от меня требуется...*

Ответ: Поэтому, как наставляли святые отцы, начни хотя бы с малого. Тебе кажется твоя скорбь невыносимой, но если человек знает, сколько нагрузить на осла или верблюда, неужели Господь не знает, сколько ты сможешь понести? Поэтому попроси со смирением: «Господи, Ты дал мне этот крест, дай мне и силы его понести».

И если страдания мучеников тебе кажутся слишком высокими и недостижимыми, то обратись к примеру наших современников. В трудах

митрополита Антония Сурожского описан такой случай и рассуждения: «Сейчас вспоминаю одного своего знакомого, значительно старше меня. Он попал в немецкий концентрационный лагерь и четыре года провел в Бухенвальде. Когда он вернулся, я его спросил, встретив на улице: "Федор Тимофеевич, ну как вы?" И он мне ответил: "Я потерял покой". – "Федор Тимофеевич, вы потеряли веру?" – "Нет, я потерял покой, потому что я день и ночь думаю об этих несчастных людях, которые были настолько безумны, что так нас мучили и пытали. Они-то не знают, что в какой-то день станут перед Божиим судом, а я знаю. Когда я был в лагере, был их жертвой, то чувствовал: я могу о них молиться, потому что Бог не может не слышать мои молитвы. А теперь, когда они меня больше не мучают, у меня чувство, что молитва моя не оправдана, она слишком легковесная".

...Вот тут судьбы переплетаются; тут всё переплетается..., тут-то и чувствуется, что Тело Христово – не только та святыня, но и та трагедия, о которой я говорил. Человек, который тебя пытает, не вошел в Тело Христово, но без него Тело Христово не будет сиять полнотой...

В тот момент, когда мы претерпеваем страдание, у нас появляется право действительно божественное – право прощать. И тогда, вслед за Христом, сказавшим: *«Прости им, Отче! Они не знают что делают»* (Лк. 23, 34) – мы можем, в свою очередь, повторить эти слова. Как сказал один из наших епископов перед смертью во время сталинских гонений, «придет день, когда мученик сможет стать перед престолом Божиим в защиту своих мучителей и сказать: "Господи, в Твое имя и по Твоему примеру я их простил. Тебе больше нечего взыскать с них"»... **Мы не хотим поступать так даже на нашем малом уровне.** Часто ли мы способны простить до конца сваливающиеся на нас мелкие неприятности, причиняемые нам мелкие огорчения? Но эти люди являют нам новую высоту любви Божией в человеческих сердцах, новую победу Божию. Бог снова являет Себя, и **личное мученичество перерастает вместе с тем в понятие спасения другого человека»**.

Потому, приняв все это к сведению, постарайся посмотреть на происходящее с тобой с другой стороны.

О подобном делании до сих пор с благодарностью вспоминают духовные чада схиархимандрита Виталия (Сидоренко): как он учил их видеть всех святыми и ангелами. Часто своим примером он показывал, как исправлять недобрый помысел о

человеке. Так, когда ночью у соседей случился пьяный скандал, то проснувшимся утром своим духовным чадам, будущим монахиням, он говорил, что вот мы ночью спали, а соседи акафисты читали. Таким образом, приучал их к неосуждению и самоукорению.

Вопрос: *Да, такой подход действенный, но как в моей ситуации, так и в словах отца Виталия усматривается какая-то неправда.*

Ответ: Если тебе хочется найти правду, то вспомни слова церковного последования на службу Страстной седмицы, где сказано, что *«рабу согрешившу биен бывает Владыка»*. Согрешили Адам и Ева, и мы, сыновья и дщери их, вслед за ними грешим, а Сын Божий *«грехи наша носит и о нас болезнует... Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы все исцелехом»* (Ис. 53, 4-5).

Вспомни эти слова и заметишь, что отец Виталий, как и многие другие святые отцы, не осуждал, но оправдывал согрешающих, а Христос ради них пошел на Крест. Поэтому, если мы добиваемся какой-то своей человеческой правды, то забываем или не берем во внимание божественной[1].

А чтобы правильно понять делание отца Виталия, нужно обратить внимание на слова Господа о том, как мы должны относиться к поступкам ближних: *«Не судите, да не судимы будете, не осуждайте, да не осуждени будете, отпущайте и отпустится вам»* (Лк. 6, 37). Ведь путь к приобретению правильного отношения к ближнему лежит через исполнение заповедей, как говорил об этом архимандрит Софроний (Сахаров): «Каждый человек при своей неповторимости является *ценностью* во Христе, потому, чтобы приобрести правильное сожительство с нашим собратом, мы должны поступать по заповедям, тогда мы вместим этого человека в свое сердце таким, каким он есть, о каком заботится Христос».

В этом кратком евангельском стихе совмещено пространное наставление о том, как мы должны относиться к нашим ближним в разных жизненных ситуациях. Когда мы только соблазнились чьим-то поведением, но не знаем – грешит он или нет, то об этом сказано – *«не судите»*. Когда он явно грешит, но мы никак не пострадали, то слово Божие обращается к нам: *«не осуждайте»*, и *«отпущайте* [прощайте]» – когда ближний согрешает уже против нас. Отец Виталий, сам исполняя эту заповедь, старался всяческим образом привить это делание своим чадам особо запоминающимся словами и примерами.

Известно, что его забирали в милицию и избивали за то, что он, «занимаясь антисоветской агитацией», ходил по улицам города в подряснике. Но сам он об этом благодушно, без всякой тени осуждения говорил, что там его «гладили и по голове, и по спине».

И христианские души, получая такой живой пример евангельского образа мыслей и действий, наглядно

[1] О правде человеческой и правде божественной много писал старец Паисий Святогорец.

увидев и почувствовав их красоту, откликались и влеклись к их исполнению, подражая своему духовному отцу. Почему и запомнили до глубокой старости, что «отец Виталий учил всех видеть ангелами».

В случае с соседями он своеобразно и впечатлительно научал своих чад не судить и не осуждать, говоря, что мы себе преспокойно спали, а они бодрствовали, страдая от усвоенных ими страстей. И он желает, чтобы это бодрствование вменилось им в добродетель, выражая этим и свое благое расположение, что он не желает ни судить, ни осуждать, даже явно согрешающих.

Подобные примеры встречаются во многих «Житиях Святых». В частности, в житии святителя Спиридона Тримифунтского описан такой случай. Когда на его овчарню ночью пришли воры, то до утра были связаны по рукам и ногам божественной силой. А утром по молитвам святого их невидимые узы разрешились, и ожидавшие всю ночь наказания воры были удивлены его словами: «Дайте им одного барана, пусть идут, ведь они же бодрствовали всю ночь». Так святитель Спиридон не осудил, не укорил их, что они воровали, и своим благим расположением их греховное бодрствование направил к добродетели покаяния. Воры всю ночь стояли в овчарне, будучи связанными по рукам и ногам, а соседи отца Виталия кричали друг на друга. Но благое расположение не осуждает, а сочувствует и сострадает.

Так исполнение евангельской заповеди *«не судите... не осуждайте... прощайте»* прививает и усваивает нашему сердцу такое благостное чувство к согрешающим людям и освобождает нас от осуждения.

Вопрос: *Душа радуется, когда слышишь о таких примерах, но когда пытаешься сама, то снова ничего не получается.*

Ответ: Да, это потому что – «сама». Путь к правильным отношениям с ближними нам указывают заповеди Христовы, но без Его помощи и участия на этом пути нам не обойтись. Как ребенок, идя по дороге, на каждом шагу обращается к своей любимой мамочке: «Мама, смотри какой цветочек! Ой-ой-ой, коленку сбил! Мама, ну ты же не забудешь купить мне мороженое?» А в Евангелии сказано: *«Приблизьтесь* [помышлениями своими] *к Богу и приблизится к вам... исправьте сердца двоедушные»* (Иак. 4, 8), – таким образом, нам дана заповедь и приближаться к Богу помышлениями, и исправлять образ мыслей своего ветхого человека по отношению ко всем обстоятельствам нашей жизни.

Сейчас мне все чаще и чаще приходится возвращаться и вспоминать

наставления отца Виталия. Видимо, не напрасно в своих беседах он приводил пример святого праведного Иоанна Кронштадтского. И действительно, в сегодняшних условиях не только в миру, но и в монастырях нам нужно стремиться усвоить себе настрой, какой имел этот святой. Ведь он находился в непрестанном окружении людей. В три часа ночи вставал, читал правило, шел на Литургию, после нее – поток людей: прием страждущих, больных, затем исполнения треб и визиты высокопоставленных лиц. Потом снова богослужение, проповедь и общение с людьми. И так до двенадцати ночи он находился с людьми. И тем не менее, как говорит о нем преподобный Силуан Афонский, он не терял никогда благодати, а только умножал и преумножал. Почему? Потому что, видя людей и их нужды, он обращался к Богу, и человеческие проблемы и немощи не отторгали его от Бога, а только прилепляли к Нему.

Вопрос: *«Прилепляли» – в смысле постоянного обращения к Богу, неотступности прошений или как-то иначе?*

Ответ: Как сказано об этом в евангельской заповеди: *«Кто хочет пребывать в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал»* (ср. Ин. 2, 6) или *«пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем»* (1 Ин. 4, 16). А сам святой Иоанн Кронштадтский в своих наставлениях писал так: «...старайся всегда иметь сердце по возможности исполненное любви и благости. Представляй Бога всегда Любовию. Ты видишь, что во всех молитвах и возглашениях Бог преимущественно и едва ли не исключительно называется Любовию, Благостию, Милосердием.

Постоянно стремись к любви: ходя, стоя, сидя, лежа, молясь, читая, делая что другое; из всего извлекай сот любви, все обращай в повод к любви. Избегай даже малейших поводов к ненависти.

Диавол всячески старается закрыть от нас светлый лик людей и представить его в виде мрачном. Крайне остерегайся смотреть его глазами на людей».

Поэтому и нам нужно помнить, что наше общение друг с другом происходит пред Богом, в Боге и ради Бога.

Не случайно монахи, приветствуя друг друга, говорят: «Христос посреди нас» – и это не простое слово и красивое приветствие, а реальная действительность. Напоминание нам, как мы должны общаться друг с другом: не напрямую, а через Христа. К примеру, если нужно решить какую-то житейскую проблему, то прежде общения и принятия решения должно помолиться: «Господи, вразуми раба Твоего ... как нам правильно и богоугодно решить это дело». Или: «Господи, Ты видишь, какие у нас натянутые взаимоотношения, помоги нам обрести примирение, взаимопонимание и любовь». И так прежде любого общения мы умом своим обращаемся к Нему, и Он уже содействует решению всех наших проблем: и житейских, и духовных. Потому что все мы – чада Божии, называющие Его своим Отцом. За всех страдал и всех искупил Своей Честною Кровию Христос.

Пастырь Ерм

Есть книга, написанная в I веке по Рождестве Христовом, — «Пастырь Ерм». Ерм был одним из учеников Апостола Павла.

В первые века христианства эта книга читалась за богослужением. Каково же содержание этой книги? Что было открыто Ерму?

Он видел равнину, большую равнину, она была окружена множеством гор различной высоты, а посреди равнины была вода. Здесь строили башню. Во все обширное ее основание был положен Один великолепный Белый Камень. Множество людей носили камни с гор, а огнезрачные юноши принимали их. Некоторые камни были так белы, так отшлифованы, что создавалось впечатление какой-то целости, монолитности. Другие камни не годились для постройки, их откладывали в сторону и употребляли только после отшлифовки. А некоторые камни были так шероховаты, что вовсе не годились, и их отбрасывали в сторону.

Вот что было открыто Ерму. И он спросил, что все это значит? Что значит строительство башни? Что такое Белый Камень основания?

Кто подносит строителям камни? Кто такие огнезрачные юноши?

И ему было открыто, что строительство башни — это Церковь Христова.

Белый Камень основания — Сам Господь Иисус Христос, потому что Он и есть — Камень Краеугольный.

Малые камни — это души человеческие, оглашенные словом проповеди Христовой.

Огнезрачные юноши — Ангелы Божии.

Подносят камни пастыри.

А горы — это все люди.

А вода — это вода крещения, так как войти в Церковь можно только через крещение.

Отшлифование камней — отзывчивость человека на проповедь: одни исправляют свою жизнь бодро, не откладывая это на конец своей жизни, — **и быстро подготавливают себя, с помощью Божией, для Царства Небесного.**

Другие люди начинают и останавливаются на пути, **некоторые же вообще не хотят расстаться со своими страстями.**

Нужны страдания, чтобы человек стал выше и чище, — нужна обработка души страданием.

Те же камни, которые почернели и с трещинами — негодные для этой башни — это те, кто слышал благовестие и отверг его.

Вот что было сказано Ерму.

А до каких пор будет строиться башня? Горы — народы земли. Башня будет строиться до тех пор, пока горы будут давать достойные камни для ее строительства.

Когда же пригодных камней больше не будет — окончится земная жизнь Церкви.

Вот в чем тайна истории человечества. После Голгофских страданий стала строиться Церковь.

Земная Церковь, к которой мы принадлежим, существует, чтобы благовествовать и приготовлять нас к жизни в Церкви Небесной.

Церковь Небесная — Вечная Жизнь. **А земля и земная Церковь существуют, чтобы давать материал для строительства Церкви Небесной.** Когда земля прекратит давать материал — наступит последняя страница мировой истории. Когда люди будут непригодны для строительства Церкви земной — они окончат свое существование. Но это не будет уничтожением земли, а лишь ее преображением. Преобразятся не только достойные Господа люди, но и вся природа. Весь мир станет прекрасным храмом Божиим. Ведь история после Голгофы наполнена содержанием этого великого строительства. Это дело не механическое, это дело нашей воли.

Если мы преобразим свои души — **станем годными для строительства Церкви.**

А если отвергнем свое преображение — **Господь признает нас негодными.**

Когда наступят великие дни Страданий Спасителя, вспомним, для чего пострадал Господь. Он пострадал для того, чтобы всех нас призвать к Себе и сделать участниками Жизни Вечной. Господь ждет нашего самопожертвования — нашего подвига!

И да избавит нас от неверия, грехов и всего, что удаляет нас от общения с Ним в Жизни Вечной.

Архимандрит Борис (Холчев).
Сборник-ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!-

История Усманского женского монастыря

Часть 5

Согласно отчетности за 1909 год на момент ее составления в Софийском Усманском монастыре спасались «игумения, казначея, благочинная, рядовых мантейных монахинь 72, рясофорных и указом определенных послушнии 62, проживающих на испытании в монастыре и подворье по увольнительным свидетельствам 65, а всех 202». К 1911 году общее число сестер достигло 250.

Сообщается, что «кроме общих послушаний на обитель, сестры занимаются большею частью производством мухояра, а некоторые уборкою образов и тканьем ковров». Как видно из этого перечня, инокини дореволюционных обителей предпочитали труды, требовавшие неспешной и кропотливой работы, позволявшей сочетать ее с молитвенным сосредоточением. Мухояром именовалась хлопчатобумажная ткань с примесью шерсти или шелка, дававшим отблеск, подобный муаровому. А ковроткачество в женских монастырях Тамбовщины достигло такого уровня, что лучшие работы не только охотно раскупались на ярмарках, но и не раз экспонировались на выставках самого высокого уровня — например, на Всемирной Парижской выставке в 1900 году и Первой Всероссийской выставке декоративно-прикладного искусства, которая состоялась в Санкт-Петербурге в 1904 году...

Число «корпусов для помещения сестер внутри ограды монастыря» оставалось прежним — 10. Но они были частично реконструированы, оштукатурены внутри и снаружи и все покрыты кровельным железом. 5 одноэтажных келейных корпусов были кирпичными, 3 смешанными — «низ каменный, а верх деревянный», а 2 оставались деревянными.

За оградой обители, представлявшей из себя капитальную кирпичную стену с башнями, выстроены были необходимые здания «для служителей монастыря, для приема странников и посетителей, для наблюдающих за скотным двором со всеми нужными хозяйственными приспособлениями», а также — баня и прачечная.

Впечатляла колокольня — каменная, четырехэтажная, располагавшаяся от церкви на расстоянии 60 аршин. «Верх оной с фонарями, крест и главы вызолочены. Под колокольней святые ворота, же-

лезные, створчатые с калиткой. На колокольне 6 колоколов, один из них вылит в 1821 году, весом 51 пуд 20 фунтов, на нем отлиты образа Успения Божией Матери, святого Георгия и мучении Софии, Веры, Надежды и Любови».

Монастырское духовенство и руководство обители за успешные труды не раз было представляемо к наградам. Так, в 1909 году наперсные кресты «от Святейшего Синода выдаваемые» пожалованы были казначее Усманского Софийского женского монастыря монахине Валентине, 56 лет, и благочинной «того же монастыря» монахине Глафире, 49 лет. Наперсный крест также был пожалован священнику Усманского Софийского женского монастыря о. Димитрию Викторову, 58 лет.

Известно, что в начале XX столетия в Ново-Углянке, при монастыре обретались двое Христа ради юродивых — Алексей и Христина, почитавшиеся инокинями за людей Божиих. Особенно уважали Алексея. Когда тот приходил в монастырь, то на ночь обычно располагался в «хлебной». И как-то поутру одна из монахинь обеспокоилась, что Алексей, бывший, видимо, немощным телом по старости или нездоровью, долго не появляется во дворе. «Уж не помер ли?» — подумала матушка, и решила заглянуть в «хлебную», посмотреть, что он там делает. Заглянула, а Христа ради юродивый стоит с воздетыми руками, молится, «от пола на воздух поднятый». Монахиня в страхе убежала. А когда днем они где-то встретились, Алексей только погрозил ей пальцем молча...

Пока что остается неизвестно, кто возглавлял обитель в последние предреволюционные годы и в первые послереволюционные. Достоверных свидетельств найти не удалось. А с 1921 года сестричество Ново-Углянки окормляла игумения София (Юдина). Ей довелось пережить последние дни обители, хранившей благословение святителя Тихона, чудотворца Задонского.

В 1921 году на базе Софийского монастыря, по соседству с действующей церковью и келейными корпусами, еще остававшимися за монахинями, открываются сразу 3 детских дома. Сюда было определено 490 мальчиков и девочек. Официально они считались осиротевшими в результате пережитых Усманским и соседними уездами в 1920-21 годах засухи и последовавшего за ней голода. Но именно

голод стал поводом для «крестьянской войны» на Тамбовщине, которую возглавил партизан А. С. Антонов. Как известно, крестьяне Усманского уезда активно поддержали «антоновщину», утопленную в крови большевиками только летом 1921 года. Численность населения Усманского уезда за этот период сократилась особенно сильно, приблизительно на 11 500.

А год спустя церкви обители были, как и прочие храмы российские, ограблены под предлогом помощи голодающим Поволжья. Мы не можем точно сказать, что было изъято в Ново-Углянке, но в общем количестве изъятого в Усманском уезде весной 1922 года «[серебра] 33 п. 35 ф. 1 зол. 55 дол., золота 1 ф. 55 зол. 2 дол., драг. камней 388 шт.» есть и ризы с чтимых икон, и богослужебная утварь из Софийской обители.

В 1923 году детские дома на территории монастыря были объединены в один. А в 1924 году детдом решили перепрофилировать. Одновременно был окончательно закрыт монастырь. Но действующей оставалась кладбищенская церковь Ново-Углянки, выстроенная в 1834 году и освященная во имя Михаила Архангела. При этой церкви, в сторожке, доживала с 1924 года отпущенный ей срок жизни земной игумения София.

Службы в храме, по крайней мере до 1937 года, совершал священник Георгий Степанович Орлов (предположительно — сын о. Стефана [Степана] Орлова, упоминаемого в документах 1876 года), «долгое время» служивший еще в монастыре и не оставивший паству после его закрытия.

Что же касается инокинь, то, за исключением мученической кончины настоятельницы, судьбы их не нашли отражения в известных сегодня документах. Современное усманское краеведение ограничивается по этому поводу лишь общей фразой «жизнь многих насельниц сложилась трагически, а некоторые скончались мученически: в ссылках, лагерях, тюрьмах. Лишь немногие похоронены на старом городском и некоторых сельских кладбищах».

Одна из бывших софийских насельниц, с которой довелось общаться известному православному писателю Сергею Фуделю, — мантийная монахиня Смарагда — окончила дни свои на рубеже 1950-60-х годов, проводя дни в уединенной келейной молитве и совершая «ежедневно по несколько тысяч молитв Иисусовых». К концу дней своих она совсем ослепла, но бодры и бдительны были очи ее духовные, коим открывалось многое из сокровенного. Упокоена старица Смарагда «под Воронежем»...

А в самой Ново-Углянке «постарались», чтобы бывшим насельницам уже вскоре после закрытия обители негде было главу преклонить. Незамедлительно, после принятия решения о закрытии детдома и монастыря, президиум Усманского райисполкома признал необходимым открыть в помещениях «Детгородка в Новоуглянке» школу колхозной молодежи (ШКМ).

Вот что 7 ноября 1930 года рассказала о новой школе районная газета: «В ШКМ — 3 группы. В первой учатся воспитанники детгородка, а в остальных дети колхозников, бедноты и батраков. Монашеские кельи превращены в общежитие, а церковь стала летним клубом. Вообще помещениями ШКМ не обижена. Три корпуса заняты учащимися. Хорошо оборудована кухня, столовая, баня, изолятор, зимний клуб и целый ряд кабинетов для занятий. Для служащих 20 удобных квартир. В распоряжении ШКМ электростанция, большое хозяйство: лошади, свиньи, оборудовано 5 мастерских. 40% учащихся обеспечены стипендиями, содержатся в интернате. Остальные пользуются общежитием и питанием за плату, установленную родительским собранием. Введено самообслуживание. В мастерских учащиеся шьют для себя белье, сапоги, часть мебели сделали сами».

В 1934-1935 годах в монастырских зданиях разместилось исправительное учреждение для беспризорных под патронажем областного отдела народного образования, именовавшееся «Закрытый Дом трудового воспитания». А 20 июня 1935 года на его базе была образована колония для несовершеннолетних правонарушителей, находившаяся в подчинении НКВД СССР.

350 колонистов производили ручные тиски, наборы резьбонарезного оборудования и плоскогубцы разного размера. В предвоенные годы на производстве колонии выпускались дверные и оконные петли, шурупы и даже шурупонарезные станки.

Последняя игумения монастыря в эти годы оставалась практически без средств к существованию и жила милостью добрых людей и случайными заработками. Но несломленной оставалась ее вера. В том числе — в воздаяние Господне, которое должно было постигнуть большевиков за сделанное против народа и Церкви. О чем она и имела неосторожность заявлять при свидетелях, передавших ее слова чекистам. 18 сентября 1937 года Александру Сергеевну Юдину арестовали, а всего неделю спустя Постановлением тройки УНКВД по Воронежской области она была приговорена к расстрелу. В исполнение приговор привели 10 октября того же года.

Но не напрасны были чаяния последней игумении и миллионов других православных — грозное испытание, заставившее большевиков пересмотреть отношение к Церкви и чадам ее, обрушилось на страну. 22 июня 1941 года началась война.

Фронт быстро катился на запад, и с приближением его к Воронежу было решено эвакуировать Усманскую колонию. К 20 октября 1941 года эвакуация детской трудовой колонии была завершена, а в освободившихся монастырских постройках разместили спецлагерь для побывавших в плену у немцев советских солдат и офицеров. Через некоторое время его сменил лагерь и госпиталь для военнопленных венгров, итальянцев, румын и болгар. Служил Усманский спецлагерь для военнопленных и приемно-пересыльным. Под общежития для пленных были заняты три старых келейных корпуса и здание церкви, где также установили нары.

С 1946 года начала вновь формироваться детская колония, а в 1948 году, когда лагерь военнопленных расформировали, на территории монастыря уже окончательно

развернули детскую колонию на 500 человек, существующую и в настоящее время.

Лишенное алтарной и купольной части здание бывшего главного монастырского храма находится на территории колонии, на месте алтарной его части — асфальтированная дорога. Что касается монастырского храма во имя преподобного Серафима Саровского, то ныне неизвестно даже его прежнее местоположение.

Впрочем, в нынешней колонии, где работу по перевоспитанию оступившихся подростков стараются вести в контакте с Церковью, не забывают монастырское прошлое. На официальном сайте ФБУ «Усманская ВК УФСИН России по Липецкой области» размещена хорошо проиллюстрированная, содержательная статья о Софийской обители. Частый гость в колонии Усманский благочинный священник Олег Парахин. Посещал воспитанников колонии и правящий архиерей Липецкой и Елецкой епархии — Преосвященнейший епископ Никон.

Л. МОРЕВ

Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского

Иеромонах Николай (Павлык)

Часть 5

ГЛАВА I
ГРЕХ ПО УЧЕНИЮ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

ОБЪЕДЕНИЕ И ПЬЯНСТВО

Объедение и пьянство, не чуждые и допетровской Руси, в России XVIII века из личного порока превращаются в общественное бедствие. В творениях святителя неоднократно встречаются обличения пышных пиров, других увеселений, губящих души предающихся им как тщеславием, так и немилосердием (к нуждающимся, которым надо было бы отдать то, что тратится впустую), а их тела – невоздержанием[1].

Для христиан «пища и питие есть подкрепление едино тела изнемогшего, а не сластопитание. Ястие, питие, покой и прочие действия к единому концу (цели – *ц. Н.*) – богоугодной работе намеревают, дабы, пищей подкрепившись, могли трудиться во славу Божию и ближнего пользу. Пищу и питие приемля, (христиане) поминают о Подателе, яко от руки Его щедрой все приемлют и поминают о пище вечного живота. Требует от них того новое рождение, которое духовной пищей, словом Божиим, молитвой и проч. укрепляется и растет, а всяким плотским излишеством умерщвляется и исчезает».

«Объедение, – пишет святитель, – есть излишнее пищи употребление и обременение чрева». Удерживать человека от пресыщения должно и то соображение, что как простая,

[1] И эти обличения были действенны. Келейник святителя Ефимов рассказывает, как «некоторый из дворян, имевший жену и детей, человек еще молодой, по молодости своей великое имел пристрастие как к собачьей охоте, так и к карточной игре и к частым компаниям веселым. Бывая неоднократно у преосвященного и слыша от уст его христианские наставления, он оставил свою привычку к собакам, к картам и веселым компаниям и начал жить по наставлениям его, как должно христианину».

так и изысканная пища в организме становится одинаковой, «ибо желудок не разбирает, какова будет пища, сладкая (изысканная – *и. Н.*) или простая, только бы была здорова; он полезной пищи требует, а не сладкой». Кроме того, после вкушения той и другой через некоторое время телу вновь требуется подкрепление сил. Изысканная же пища вредна для здоровья, как телесного, так и душевного. «Рассуди следствия от сладкой и простой пищи, – увещает святитель, – и увидишь, что сладкой и многоразличной снеди всякое зло последует. Где более нечистая похоть гнездится, как не в роскошном (любящем роскошь – *и. Н.*) и сластолюбивом сердце? Кто к молитве и прочей христианской должности ленивейший, как не роскошный (в том же значении – *и. Н.*)? Кто в праздности, всему злу виновной, более живет, как сластолюбец? Как в гнилом болоте всякие плодятся гадины, так в сластолюбивом сердце всякая родится греховная нечистота. Не так умеренно и простой пищей живущий: он хотя и чувствует разжение похоти, но молитвой и помощью Божией угашает то. Он в делах звания и прочих благословенных трудах всегда бодр, к молитве неленостен, всегда ко всякому доброму делу готов». А сколько «различные снеди рождают болезней – лекари о том знают. К кому более они приходят с лекарствами, как к сластолюбцам? От простой и умеренной пищи нет такой опасности, и хотя приходит болезнь и к воздержанным, но скоро и отходит: воздержанием, как сильнейшим лекарством, прогонима». В доказательство этого святитель приводит различие в силе и здоровье «благородных детей, которые сладкой пищей питаются, и детей крестьянских, которые по большей части хлеб со щами или водой едят». «И увидишь, – говорит святитель, – как сии от оных разнятся в крепости и красны лицом, а оные дряхлы, бледны и как бы безкровны! Сие различие не отъинуды, как от различности воспитания происходит: что сии просто, а оные нежно и в сластях воспитуются».

Подлинным бичом всех времен является пьянство или «излишнее употребление пьяного пития». Оно бывает от вина, но бывает и без него, «когда человек любовью мира сего, суетными мыслями и беззаконными начинаниями упивается и имеет сердце свое страстьми наполненное: скверных похотей, сребролюбия, славолюбия. От сего истрезвится тот, кто, оставив страсть, покается».

Но наибольшее внимание святитель уделяет пороку пьянства как таковому. «Вино, – пишет он, – как и всякая вещь, на пользу нашу от Создателя нашего устроено нам. Следственно, грешат: 1) те, которые гнушаются вином не ради воздержания, но ради того, что аки бы грешно его употреблять. Тако бо, хуля создание, и Создателя хулой касаются; 2) которые вином гнушаются и братию свою, которые употребляют его, презирают, а о себе высоко нечто мечтают: я-де отроду не пью вина! сатана не пьет вина и хлеба не ест, яко безплотный, но души человеческие, яко лев, пожирает». И далее: «не токмо вино, но и хлеб, воду, огонь и прочее создание Божие зле употребляет человек. Так зле употребляет и свои члены, както: язык к злословию, осуждению и оклеветанию, руки к хищению, чрево к объядению и пьянству, и так сими, как бы какими орудиями, душу свою убивает». Так всякий дар Божий, сам по себе благой, самим человеком определяется к добру или ко злу.

Причины пьянства святитель указывает следующие. «1) Злое и невоздержанное сердце. «Вино есть дело Божие, а пьянство диавольское: не вино производит пьянство, но невоздержание», – цитирует святитель Тихон святого Иоанна Златоуста. 2) Праздность, как сказано выше. 3) Частые пиршества, компании, усильные потчевания и поздравления, ныне в злой обычай вкравшиеся. 4) Со злыми и невоздержанными обращение: пьянству бо люди друг от друга научаются. От частых же повторений делается страсть и злой обычай», порабощающие душу и ведущие ее к гибели. Тяжела ответственность и того, по чьей вине человек приобщается страсти винопития, «мнимый его благодетель, или паче злодей, понеже, кто к погибели дорогу отворяет, тот погибели той виновен бывает».

«Пьянство как само собой есть грех, – пишет святитель, – яко *пьяницы Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 10), так многих и тяжких грехов виновно бывает». У пьяного помрачается разум, ослабевают воля и совесть, почему «человек пьяный на всякое зло дерзает, всякие соблазны вводит», тогда как «трезвый таких соблазнов не показывал бы». Пьянство «ссоры, драки, убийства производит; оно буесловия, кощунства, хуления, ближнему досады и обиды делает. Оно научает лгать, льстить, чужое грабить и похищать, чтобы было чем страсть довольствовать; оно возжигает гнев и ярость; оно делает, что люди в нечистоте, как свиньи в блате (болоте – *и. Н.*) валяются; словом сказать, человека скотом, словесного безсловесным делает, так что не токмо внутреннее состояние, но и внешний человеческий вид часто переменяет». Пьянство « тело расслабляет и в немощь приводит; в убожество и нищету приводит; славу и доброе имя отъемлет; домашним, сродникам, друзьям скорбь и печаль, врагам посмеяние делает; ни к какому званию неспособным рачителя своего устрояет и так бедного человека пленяет, что чуть от нее освободиться может. Ни увещания, ни угрожания, ни страх, ни моления не могут его приклонить. В рове погибели лежит, но того не чувствует и освободиться не тщится, на хотящих же от того отвести негодует».

Средства борьбы со страстью винопития святитель предлагает следующие. «1) Юным не дозволять пьяного пития пить, ибо юный удобно привыкает. 2) Не дозволять им с пьяными и развращенными водиться. 3) Взрослым без нужды не пить вина. 4) От злых компаний и пиршеств удаляться. 5) Помнить, что от сей страсти весьма трудно отстать, а многие в той и умирают. 6) Привыкшим к сей страсти крепко против мучительства ее вооружиться, стоять, не поддаваться, молить и призывать всесильную помощь Божию. 7) На память приводить случающиеся в пьянстве беды, както: соблазны, ссоры, драки, мечтания, страхования, недуги, и сравнить трезвого жития состояние с состоянием пьяного. 8) Помышлять всегда, что многие пьяными во сне умирают без покаяния, и проч.».

Особенно предостерегает святитель от омрачения пьянством праздничных дней.

Памяти сподвижников схиархимандрита Виталия (Сидоренко) посвящается

Удивительный старец иеросхимонах Алексий

Иеросхимонах Алексий[1] (в миру – Михаил Васильевич Данилов) родился 10 июня 1929 года в селе Богородичное Ясеновского района Курской области. С детства он посещал храм, который находился в ближайшем селе. Семья Михаила состояла из восьми душ. Мать его, Мария, умерла, когда Мише было всего три года. Вскоре после смерти матери, по решению детей на семейном совете, отец стал жить с другой семьей. Некоторое время Миша и его старший брат жили у сестры, у которой тогда было двое своих детей.

Миша был самым младшим. Когда старшие уходили работать в колхоз, он оставался в доме: доил корову, готовил кушать, убирал... Как впоследствии вспоминал батюшка: «Работал по дому. Воду носил на коромысле: два ведра, по десять литров в каждом. Бывало, упаду, разолью – опять пойду набирать. Сестра ругала, что полные набираю, а я ж думаю: "Чтоб в следующий раз не ходить". Сестра уходила в колхоз, я оставался за хозяина. Когда все приходили, прятался в вишневый сад. Зовут кушать – я не иду. Потом прихожу. "Где был?" – спрашивают, а я места своего не открываю. Любил уединение с детства...»

Когда подошел возраст, Мишу отдали учиться в первый класс. Но школу он посещал нерегулярно. «Ходил – не ходил: дома дела», – вспоминал батюшка. Четыре класса начальной школы все же закончил, а в пятый класс уже нужно было идти в соседнее село, за три километра от дома. Часто зимой, когда поднималась метель и дорогу заметало, занятия приходилось пропускать.

Потом началась война, в 1946-м – голодовка... Жизнь была трудная. «Сразу еще кое-что было, коровы ходили, а потом и того не стало», – вспоминал про то время батюшка. В 1948 году Михаила в добровольно-принудительном порядке забрали с колхоза на шахту (отказался бы – судили). Однако, не проработав на шахте и года, истощенный голодом Миша заболел туберкулезом. Тяжелый труд под землей был ему не под силу. Пришлось уехать в Херсон к брату. Устроился на обувную фабрику, оттуда послали в санаторий подлечиться. Так потихоньку и выжил.

Работая на фабрике, Михаил посещал богослужения в храме. Молился обычно за колонной – прятался от людских взоров, погружаясь в молитву. Но не заметить его было невозможно: пышные темно-русые волосы, большие голубые глаза, всегда смиренный, кроткий. Обратили на него внимание матушки и пригласили на клирос. Даже невесту нашли, регента Анну.[2] Но у Миши было твердое намерение идти в монастырь.

К тому времени у него появился духовник – о. Варсонофий, ныне прославленный в Херсоне исповедник.[3] Своего духовного отца батюшка глубоко почитал. Так, незадолго до своей кончины, уже будучи тяжело больным и прикованным к постели, иеросхимонах Алексий попросил келейницу, монахиню Иулианию, увеличить иконку старца-исповедника и повесить ему у изголовья.

Всю жизнь о. Алексий держался заветов своего старца. Часто он рассказывал об этом удивительном подвижнике.

«Когда я еще был в миру, Господь послал мне духовного отца архимандрита Варсонофия, – вспоминал батюшка. – Что это был за человек – не передать!.. Шестнадцать лет на строгом режиме просидел при Сталине как миссионер-проповедник. Это сильно тогда коммунистами преследовалось. По тюрьмам его таскали, в лагере в Сибири был. А когда выпускали – приедет в какой-нибудь город, обратится куполномоченному для регистрации, а регистрацию ему дают только на один месяц. "Больше чтоб тебя не было, – говорят. – Иди куда хочешь. Просрочишь – опять посадим". Где он только не был. Наконец прислали в Херсон. И тут мне наши прихожане говорят: "Михаил, у нас старец появился". Так я попал к нему в духовные чада».

Господь послал о. Алексию такого старца, чтобы укрепить его веру и намерение идти по монашескому пути, к которому он был расположен с самого детства. Наконец Михаил осмелился поговорить об этом с батюшкой:

«...И вот я ему однажды говорю:

– Батюшка, я хочу быть пастухом, хотел бы находиться в лесу или в поле – чтобы никого не было. Уединение люблю.

Отец Варсонофий только улыбнулся:

– Пастухом, говоришь, хочешь быть? А ты знаешь, кто такой пастух? Вот когда жарко, корова хвост поднимет и побежит. Ты же не догонишь. Убежит куда-нибудь в посевы, там "наворочает" [вытопчет посевы], и ты будешь отвечать.

"А, – думаю, – тогда не получится. Если б овцы – это еще ничего, они же не бегают, как коровы..." Пришлось мне расстаться с моей мечтой.

---

[1] Для большинства людей о. Алексий известен как иеромонах Мардарий, т.к. схиму он принял незадолго до своей кончины (прим. ред.).

[2] Впоследствии она также стала монахиней (прим. ред.).

[3] Его жизнеописание находится в книге игумена Дамаскина (Орловского) «Новомученики и исповедники Российские XX века» (прим. ред.).

Тогда стал я про монастырь спрашивать. Отец Варсонофий говорит: "Монастырь – это, конечно, хорошо. Но и здесь бывает двое ворот: в одни входят, в другие выходят". Я не пойму: как это "выходят"? Тогда он пояснил, что одно бывает желание прийти в монастырь – это "входят". А потом некоторые поворачивают вспять – не выдерживают в духовном плане – это "выходят". Я говорю:

– Нет, батюшка, я, если пойду, вертаться уже не буду.

– Подожди, подожди, тебе рано, еще молодой.

Почти два года испытывал, не пускал. А мне хотелось поскорей».

И вот наконец отец Варсонофий благословил Михаила на монашеский путь. Местом подвигов определил ему Киево-Печерскую Лавру. В это время Мише уже было лет двадцать.

Однако когда юный подвижник приехал в Киево-Печерскую Лавру, здесь его ждало неожиданное разочарование:

«Наместник, владыка Нестор, сказал, что прием в Лавру сейчас ограничен – с пропиской очень сложно. Я, конечно, огорчился. Но потом он вдруг говорит:

– А ты был где-нибудь в монастырях?

– Владыка святый, нигде не был.

– Вот сейчас давай поезжай, куда пожелаешь: в Почаевскую или в Троице-Сергиеву Лавру, или в Глинскую пустынь. А я пока тебе здесь буду прописку с уполномоченным улаживать.

И я сразу поехал в Глинскую пустынь. А в Глинской в то время – какие там старцы были!.. И о. Серафим (Амелин), и о. Серафим (Романцов), и о. Андроник (Лукаш). И о. Виталий (Сидоренко) – хотя он тогда еще просто послушником был у о. Серафима (Романцова), но принимал всех странников – как отец милосердия был, и вел очень духовную жизнь.

Первый раз об о. Виталии я услышал еще в Херсоне. В Глинской пустыни были паломники с нашего прихода, они потом мне рассказывали: "Ой, Виталий Глинский – это вообще человек неземной!" И вот я загорелся – думаю: "Как бы увидеть его?" А когда приехал в Глинскую и познакомился с отцом Виталием, вспомнил про это свое желание».

В то время в Глинской пустыни благочинным был о. Андроник, который проявил большое внимание к желающему встать на монашеский путь Михаилу. Увидев юношу, начал расспрашивать: «Откуда? Что? Как?»

Иеросхимонах Алексий и епископ Никон (Васин). Задонский р-он, Липецкая обл.

– Батюшка, я в Киево-Печерскую Лавру собираюсь поступать, но там с пропиской сложно.

– Давай, если желаешь, мы тебя здесь пропишем – у нас свободно.

Отвечаю ему:

– Батюшка, у меня благословение от о. Варсонофия, моего старца, в Киево-Печерскую Лавру идти.

– Ну, раз благословение... Мы, конечно, не можем этого изменить или нарушить. Но если не получится с пропиской – только к нам, – и забрал меня к себе в келью.

Так, милостью Божией, сподобился Михаил прожить вместе с этим великим подвижником все свое время пребывания в Глинской пустыни.

«...В келье у него было две коечки: он на одной, я на другой. Тогда я еще совсем молодой был, и все мне интересно было. Бывало, ночью просыпаюсь, смотрю: батюшка уже стоит в схиме, молится, – тихо так... Только ляжет, чуть полежит и опять встает, молится. Как преподобный Силуан Афонский – урывками.

А я хоть и усталый, трудился весь день на послушании, но думаю: "Батюшка встает, и я встану". Подымаюсь и тоже стою тихонько. Батюшка оглянется, а я стою... А тут уже четыре часа, подъем. И батюшка пошел с колокольчиком по коридору, и весь монастырь просыпается – все встают на полунощницу. Около шести часов сна, потому что учитывали, что молодые на послушаниях, им отдохнуть надо. А старцы по кельям, они мало спали – и отец Серафим, и отец Андроник.

В монастыре я на клирос попал, потому что читал и пел еще в миру, когда в свою приходскую церковь ходил. Такая милость Божия – отец Виталий на клиросе, и я – с ним! И отец Андроник с нами. И такая благодать! С Москвы приезжают паломники к батюшке Серафиму (Романцову) и говорят: "Батюшка, мы в Елоховском соборе бываем, там Патриарх служит. Там сорок человек певчих, народу в храме – не протолкнуться, пять тысяч вмещается. Пение – куда там! Но когда мы приезжаем в вашу Глинскую, как услышим ваши напевы – будто крылья у нас вырастают, мы как на небе себя чувствуем! Молиться хочется..." Там в Глинской был слепенький отец Иакинф, он управлял хором, один глаз у него совсем не видел, а другой как зернышко был – чуть-чуть открытый.

Вместе мы ходили на все послушания – и на клирос, и в поле, и на сенокос... Особенно с отцом Виталием я дружил. Душеспасительные беседы часто мы с ним вели, в Илиодоровский скит вместе ходили. Помню, он все наставлял меня: "Смотри, Михаил, если в монастырь желаешь, то крепко держись этого пути – если не в Киев, так сюда возвращайся..."»

Побыл Михаил в Глинской некоторое время, и захотелось ему в других

монастырях побывать до того, как вызовут в Киев. Владыка Нестор ему сказал: «Когда с пропиской решится – вызову тебя».

«А я еще в Почаевской Лавре не был. И вот из Глинской поехал в Почаев. А там – отец Кукша.[4] Это ж такой старец!.. Он же из Киева, из Лавры нашей, но я не застал его, я позже туда пришел. Его кэгэбисты выслали оттуда в Почаев. Гнали, потому что народ за ним шел, он чудеса совершал, прозорливый был... А чекисты-то следят. Вот и решили в Почаев отправить. В Почаев его прислали, а народ весь – туда. Потому что где солнце укроется? Нигде.

Приезжаю – он там. Я сразу к нему:

– Батюшка, я вот приехал в Киево-Печерскую Лавру поступать, а Вас нет. Сложно там сейчас с пропиской...

– Все будет хорошо, все будет хорошо... поступишь, – успокоил меня.

Так остался пока в Почаеве. Но в Почаеве – народу тьма. Паломники едут и едут. Ведь какие святыни – Матерь Божия Почаевская, Иов преподобный... Службы пышные.

Посмотрел я на все это и говорю отцу Кукше:

– Что-то, батюшка, здесь народу многовато... может, мне в скит? – а там же Свято-Духов скит в лесу.

Он глянул на меня – все понял:

– Вижу, ты безмолвия хочешь. Благословляю, иди.

И вот поступил я туда. Ой, хорошо! Там братии мало, тихо. Полунощница в свое время служится, правило монашеское. А поскольку я читать мог и петь, меня сразу на клирос взяли. И пошло. Побыл немножко, братия говорят: "Оставайся!" Ну, а как я? Мне же нельзя. [Батюшка был строгий послушник и не мог нарушить благословения о. Варсонофия].

Наконец, звонят из Киева от владыки: «Срочно приезжай». Я сразу же на попутную машину и – в Лавру. Пришел к владыке, он говорит:

– Все, давай документы, участковый согласился на прописку... За деньги, конечно, тайно.

И меня прописали. Было это в 1951 году».

Так по благословению духовного отца в 23 года Михаил поступил в монастырь, в Киево-Печерскую Лавру. Пребывая в монастыре, постоянно ездил к своему духовному отцу. Его всегда там ждали, радушно принимали, особенно матушки.

Но не так обстояло дело с родственниками. Когда Михаил стал насельником Киево-Печерской Лавры, родные от него отказались. Сестра написала: «Не приезжай», а брат пригрозил даже убить, если приедет. «А я им так хотел рассказать о вере...» – скорбел батюшка.

Как только прописали – владыка сразу взял Михаила к себе келейником. Вторым же монастырским и любимым послушанием стал для него клирос, где он был и уставщиком, и чтецом, и певчим, и канонархом.

Вскоре Михаила постригли в мантию с именем Мардарий.

Владыка Нестор настолько доверял своему келейнику, что не закрывал от него на ключ даже кассу. «Владыка часто уезжал по делам, я оставался один, – вспоминал батюшка. – Все открыто... А мне – книжки... Библиотека какая у владыки! Как открою – там: жития святых, Добротолюбие, Патерики, Святоотеческие творения. И я начал читать... Ай, пустыннички – Антоний Великий, Макарий Великий, Ефрем Сирин, Иоанн Лествичник!.. Как начитаюсь – все... Думаю: "Сколько буду терпеть?" Ведь к владыке народ без конца идет на прием – суета. Я с утра до вечера кручусь – идут и государственные представители, и священство, и братия, и нищие – всех надо принимать, докладывать владыке. И клиросное послушание у меня – вечером я должен быть на службе. К тому же молодой был, а в Лавре кого только нет – туристы, молодежь, все на экскурсию едут. В общем, хотел уйти. Желание у меня было – в пустынь.

Поехал к духовнику. Тот выслушал и строго сказал: "Не вздумай! Оставайся. Никуда! Иначе будешь скорбеть". И я остался».

Но Бог, видя благое расположение монаха, не оставил это желание безответным. Первая встреча о. Мардария с пустынью произошла следующим образом.

«Я ни разу не был в отпуске. Лет, наверное, восемь-девять так прожил. И вот подхожу однажды к владыке:

– Владыка, благословите мне отпуск...

– Отпуск? Ну хорошо. На сколько?

– На две недели.

– А куда?

– На Кавказ.

Он посмотрел на меня... Не знаю уж, что подумал. Но все-таки отпустил.

А я взял и... ну, тоже ж – сообразил!.. Я же на клиросе пел, и ирмос второго гласа "процвела есть пустыня яко крин, Господи... в ней же утвердися мое сердце" написал и приклеил на стенке. И ушел в отпуск. Другой келейник пришел на время, прочитал – и к владыке:

– Владыка, иди-ка, посмотри, что там отец Мардарий написал.

Владыка посмотрел: "Процвела есть пустыня яко крин Господи... в ней же утвердися мое сердце". Владыка: "Ну, все! Наверное, удрал совсем. Ох, если удрал как Исаакий,[5] что теперь будет?" – ведь когда ушел Исаакий, там целое дело было – наместнику нашему крепко досталось от митрополита Киевского Иоанна...[6]

– Ну, – говорит, – пусть только Мардарий попробует не вернуться вовремя!

А я приезжаю в Сухуми, спрашиваю: «Где тут пустынники?» В соборе мне сказали: «На Сухой речке».

---

[4] Ныне прославленный Одесский святой (прим. ред.)

[5] «У нас в монастыре жил схииеродиакон Исаакий – старичок. Он знал еще тех братий, которые подвизались в Лавре до первых (послереволюционных) гонений и после закрытия монастыря уехали на Кавказ. У него было сильное желание тоже уехать туда – он любил тишину и безмолвие, а Лавра наша была шумная и многолюдная. К тому же отцу Исаакию приходилось нести суетное послушание – водить по пещерам экскурсии. Сам он к наместнику со своим вопросом подойти боялся – и вот, бывало, придет ко мне и начнет жаловаться и просить, чтобы я с владыкой за него поговорил. Ну, а как я могу? Утешаю его, как могу, но он никак не успокаивается: "Мне безмолвие нужно. Душа моя омится, хочу на Кавказе умереть". Потом прошло какое-то время, он все-таки выпросил благословение у благочинного и уехал, никому ничего не сказав...» (из воспоминаний иеросхимонаха Алексия).

[6] «Когда Исаакий ушел, сразу сообщили наместнику. Владыка Нестор расстроился: "Ах, Исаакий!.. Что он натворил? Меня подвел... Сейчас рапорт буду писать, что он ушел без благословения". Наместник ведь должен все докладывать митрополиту. А в то время в Киеве митрополит Иоанн был – очень строгий. Митрополит рапорт получил и давай владыку нашего ругать: "Куда ты смотришь, что у тебя монахи бегут?! Какой ты наместник?!" Досталось ему, одним словом» (из воспоминаний иеросхимонаха Алексия).

Разыскал. Старца застал прозорливого Пахомия. А иеродиакон Онисифор – с нашей Лавры, певец, первый голос был – тоже ушел, но это было, когда закрыли монастырь после революции. Онисифор увидел меня, обрадовался: «Из Лавры?! Ну, расскажи, как там? Я ж сколько лет там прожил! На клиросе пел... А что ты приехал?»

– Я хотел бы остаться у вас в пустыни.

– Совсем?

– Да, совсем.

– А благословение?

– Благословение пока не получил.

– Ну, хорошо. Пойдем к старцу Пахомию, он на тебя посмотрит.

А там рядом, в пяти минутах ходьбы, келья его стоит. Пришли, я поклонился, взял благословение. Старичок восьмидесятилетний. Онисифор про меня ему немножко рассказал. Пахомий говорит:

– Чадо, все хорошо, мы приняли бы, ты молодой, нам помощь нужна. Мы старенькие уже (они действительно старенькие, там Христофор жил, и Сергий там жил, человек пять их там жило). Мы не против. Но, знаешь, чадо, еще на годик... Возвращайся сейчас пока в монастырь, не время тебе сюда, а через годик ты приедешь.

Духом провидел – через год, в 1961-м году, нашу Лавру закрыли.

И вот отпуск у меня заканчивается, приезжаю я в Лавру. Иду к владыке, он говорит:

– Если б еще на день опоздал, я б на тебя рапорт написал, как на Исаакия. Десятого числа – праздник преподобного Антония,[7] канонаршить надо... Вот если б как Исаакий...

– Нет-нет, владыка... – я сделал вид, как будто ничего не знаю.

– А это что на стенке написано?

– Это ирмос второго гласа...

Он улыбнулся:

– Все понятно. Хорошо, что успел, а то был бы тебе "ирмос"!»

Батюшка продолжал жить и нести послушание в монастыре, но тайно молился о пустыни. Находясь в Лавре, совершал подвиги ночной молитвы, боролся со сном. Как-то у него в келье завелись клопы. «Стою, бывало, на клиросе, – говорил батюшка, – а он [клоп] ползет по мне. Братия увидят, сделают замечание. Я отвечаю: "Пусть ползет – никому не мешает". Но братию это смущало: ведь архиерейский келейник. Рассказали про клопов владыке. И когда меня не было, владыка пылесосом их убрал. Прихожу, владыка смеется и говорит: "Твои благодетели пропали!" А они мне ведь спать не давали, помогали в ночной молитве, потому и благодетели».

Великим утешением для батюшки были встречи со старыми духовными друзьями. Как-то раз приехал в Лавру о. Виталий (Сидоренко) с группой паломников.

«Встретились мы, – вспоминал батюшка, – радости-то было!..

– Отец Мардарий, это ты уже келейник у владыки?

– Да, отец Виталий.

– О, хорошо, ну-ну-ну... давай, подвизайся...А мы вот паломничаем, нуждаемся в питании.

Пошел я в келарню, набил торбы. Приношу Виталию. «Хватит, хватит, – говорит, – мы не дотащим». В общем, обезпечил, как нужно...

Это ведь такая радость была!.. Но на этом мы с о. Виталием, к сожалению, и расстались, и до закрытия нашего монастыря [в 1961 году] больше не виделись. В следующий раз встретились уже только на Кавказе...»

Вот такой великой души был отец Мардарий.

(Продолжение следует)

[7] 10 (23) июля – память преподобного Антония Печерского, начальника всех русских монахов (прим. ред.).

О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

В день Святого Духа беседовали с батюшкой о молитве Иисусовой. Началось с того, что он задал мне вопрос:

— Какой признак Промысла Божия о человеке?

Я не умел ответить. Тогда батюшка начал говорить:

— Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признак особого Божия промышления о человеке. Смысл скорбей многоразличен: они посылаются для пресечения зла или для вразумления, или для большей славы... Но приобретение внутренней молитвы необходимо... Одна устная недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые говорят: «Какой же смысл творить молитву? Какая польза?» Великая, только не надо ее оставлять. Был у нас в скиту иеромонах Михаил. Он творил молитву, это я знаю, хотя и не входил с ним ни в какие отношения. Когда он скончался, и все ушли из его кельи, я обратился к нему и говорю: «Батюшка, батюшка. Помолись ты за меня». И вдруг я вижу, улыбнулся. Сначала я испугался, а потом ничего. И это была такая улыбка, которую я никогда не забуду... Он читал псалтирь... Я подошел к аналою, взял псалтирь и развернул, где у него была закладка, т. е. где он кончил. Последний псалом в жизни он читал 117-й. Там говорится: «Отверзите врата правды, вшед в ня исповем ся Господеви». Так может говорить душа, обретшая внутреннюю молитву...

Иеромонах Никон Беляев,
последний старец Оптиной пустыни

Беседы инока с наставником

ИНОЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Часть 2

О МОЛИТВЕ

«К Тебе возвожу очи мои, Живущий на Небесах»
Пс. 122, 1

Вопрос: *Есть желание упорно заняться Иисусовой молитвой. Что посоветуете?*

Ответ: Как это упорно?! Подобает с кротостью, тихостью и смирением припадать к стопам Спасителя. Со страхом и благоговением, с верой в милосердие, в духе покаяния и любви. Тогда и уставать не будем от молитвы, а, наоборот, рассудок отдохнет от мучительства помыслов.

Вопрос: *Вот от помыслов как раз никакого покоя нет. Как с ними бороться?*

Ответ: С помыслами мы боремся и будем бороться столько, сколько живем. Унывать от этого не нужно, а лучше сразу настроиться на такую борьбу. Сопротивляясь помыслам, мы проявляем верность и любовь ко Господу тем, что не соизволяем им, чего бы они не предлагали «заманчивого». Нужно возненавидеть помысел при первом появлении, не дать сердечного сочувствия, оттолкнуть. Решительно сказать: пошел вон! Опытный воин издалека видит приближающийся помысел и не позволяет ему даже быть посеянным в уме. Помыслы — суть начатки — младенцы грехов и страстей. Того зла, тех терний и волчцов, которые производит земля нашего сердца после грехопадения прародителей. Не давая помыслам развиваться, мы сразу пресекаем все дальнейшее возможное зло. Как в зернышке содержится будущее растение, так и помысел — мысленное зернышко содержит уже весь грех, если только позволим ему укорениться в душе и разрастись. Хорошая хозяйка пропалывает свои грядки от сорняков, когда те едва проклюнулись, иначе сорняки быстро задавят полезную зелень. А какие у них обычно мощные корни! Если же опоздаешь, то потом поневоле всю грядку разворотишь.

Вопрос: *Теперь все понятно. Значит с Божией помощью надо стараться никакие помыслы не принимать?*

Ответ: Понятно, да не все. Совсем не принимать помысла невозможно. Мы же не безсловесные животные. Есть помыслы от врага, есть от нас самих, естественно, есть от Бога. Попробуй, например, не принимать помысел «сходить по нужде». Посмотрим, как долго у тебя получится... Мы же не едим все подряд без разбора — хлеб, землю, битое стекло и т.п. Тем более, душу необходимо питать чистой мысленной пищей, а не греховными нечистотами.

Добрые помыслы собирают в сердце как сокровище: «*Мариам же соблюдаше вся глаголы сия* (о Младенце Иисусе), *слагающе в сердце своем*». (Лк. 2, 19). Посему естественными помыслами не надо увлекаться сверх меры, злые и мнимо-добрые — сразу отвергать. Когда, сохраняя внутреннее внимание, мы проходим это делание опытно во время молитвы, нам помогает Ангел. Помогает усмотреть обольстительные помыслы, под благовидным предлогом скрывающие свою суть волков хищных. В таком хранении ума и сердца нам нужно ежедневно упражняться в нашем молитвенном делании.

Вопрос: *Как не уклониться в прелесть при молитве?*

Ответ: «*И глаголя: покайтеся, приближися бо ся Царствие Небесное*» (Мф. 3, 2). Из духа покаяния, обнимающего всю нашу деятельность, и должно происходить наше умное обращение к Богу. Мы удалились от Бога, в первую очередь именно умом. Следовательно, и начинаем возвращаться к Нему с умного обращения. При этом молитва для нас становится естественной потребностью, необходимым нашим свойством. Бог — мысленное существо: мы умом или приближаемся к Нему и бываем в единении с Ним, или удаляемся от Него и бываем пленяемы сатаной. Так учат нас отцы Церкви. Все начинается с деятельности ума и этому нужно положить основание, чтобы соединиться с Христом Жизнодавцем. А не преследовать цель — выполнить правило в столько-то там молитв. Хвастаться длиной «аудиенции», забыв, что пришли смиренно попросить милостыни. Вот маленькое растение-цветочек на клумбе, состав свой берет (все потребное из почвы) снизу, из земной грязи. Чтобы оно росло, нужны свет и тепло — сила солнца. К нему цветок тянется всем существом. И какую удивительную красоту небесное светило творит из земной персти! Тем паче Бог, «мысленное

Солнце правды», для человека. Нам это наглядный пример из природы:

Наша душа — это райский цветочек.
Пусть он подвял, да и пахнет не очень,
Чуть заболел, потерял лепесточки.
Жалко смотреть, хоть красивый горшочек.

Но Добрый Садовник Своею рукою
Землю заменит, срежет больное,
К свету подвинет с любовью большою
Цвет, и закончится злое.

Утром покроет росою Небесной,
Благоухает цветочек чудесно.
И в райский сад Свой его заберет
В день нескончаемый тот.

Неизв. поэт XXI в.

Чем же цветочку гордиться? Разве только нарцисс какой-нибудь самовлюбленный. Другие ли мы или подобны нарциссу?..

Вопрос: *Подскажите, как не терять молитву во время беседы?*

Ответ: Не только Иисусова или иная молитва, но и просто памятование о Боге соединяет нас с Ним. За это делание Енох первым был взят на небо: «*И угоди Енох Богу, и не обреташася, зане преложи его Бог*» (Быт. 5, 24).

Мы говорим: «Христос посреди нас». Это значит, что мы должны общаться между собою не напрямую, а «вверх» — к Богу и через Него к собеседнику: «Господи, помоги нам, вразуми, что сказать! Так и вообще будем относиться и к ближнему миру.

Вопрос: *Молиться в уединении легче. Но научиться молиться среди людей кажется более ценным. Что же лучше выбрать?*

Ответ: Авва Дорофей советует половину времени проводить в келье, а половину — посещать братию. Пребывая в келии, мы должны внимать своему внутреннему человеку, прилежать молитве и покаянию. А посещая братию, мы видим свою немощь, рассеянность и другие страсти. Возвращаемся в келию, каемся, в чем согрешили при общении. Так что бояться людей нечего, они нам помогают увидеть себя. В суете, в окружении, в противодействиях, когда мы стараемся сохранять молитвенное делание, оно прививается душе. Душа как бы сливается с молитвой. Так можно относиться к суетным послушаниям и обстоятельствам, в которые мы попадаем на путях Промысла Божия. Один опытный монах на вопрос «Кто твой наставник?» — отвечал: «Бесы меня научили». Если даже бесы «учат» разумного монаха, то среда тем более способствует преуспеянию при правильном подходе.

Вопрос: *Как же быть с мнением, что для молитвенного преуспеяния нужно максимально избегать суеты? А лучше вообще полное внешнее спокойствие...*

Ответ: Для начала можно создать себе искусственные условия, как в закрытой больнице. Чтобы сдвинуться с места, немного прийти в себя. И уже в дальнейшем стараться благодушно переносить все «тяготы и лишения военной службы», то, что Господь посылает Своим Промыслом. Милиционер в спортзале отрабатывает приемы, учится красиво «колотить» боксерскую грушу. Но его профессиональная пригодность определится на улице, в схватке с преступником. Настоящую цену ему даст практика. Именно за нее дают боевые медали и наградное оружие. Чтобы нам не остаться с одним пустым значком «За выслугу монашеских лет»! Нил Мироточивый научает, что является сокровищем монашеской жизни: монах да видит и не видит, слышит и не слышит, да разговаривает и не разговаривает, да будет соблазняем и не соблазняется, да будет непоколебим». Вот сие «да будет непоколебим» и есть плод монашеской жизни. Во всех обстоятельствах мы должны приобретать эту непоколебимость, пребывать всегда как бы наедине с самим собой, а сердцем, душою — с Богом.

Вопрос: *Когда проходил упомянутую «практику», и одолевала суета, то иногда вспоминался первый псалом: «Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых... но в законе Господнем воля его... и вся елика творит, успеет» (Пс. 1, 1-3) Как понимаю, это говорится про ум, не оставляющий Иисусову молитву. И действительно, если внимательно молился, то успевал, хотя бы и куча дел была. Все как-то управлялось. А если переживал, то по-человечески пытался справиться больше своими силами, обычно заканчивалось все искушениями.*

Ответ: Правильно. Старайся сохранять молитвенное обращение к Богу и посильно трудиться над полученными послушаниями, и Господь поможет, благополучно устроит твои дела. «*И призови Меня в день скорби твоея и изму тя и прославиши Мя*» (Пс. 49, 15).

Вопрос: *Прошу в Иисусовой молитве «Господи помилуй...» — а сам стою как пенек безчувственный. Нет ни тепла в словах, ни любви к Богу, ни сердечной надежды. Что же делать?*

Ответ: Вкладывать в слова «помилуй» этот самый смысл: я пустой, безтолковый, мертвый. Дай мне Боже обновление, преобразуй в новую тварь (Гал. 6, 15) о Иисусе Христе! Нужно исходить из своей реальной ситуации, из своего горестного состояния в данный момент, как пишет авва Исаак и другие отцы. А не просто вычитать положенное, отдать долг и уйти. Бывает, между прочим, когда нужно читать Иисусову молитву громко, с болью души: «Господи, спаси меня, погибаю!» Вопиять сердечно, а иногда и гласом. Подобно монахам, вопиющим умиленными гласы в глубоком рве из видения Пахомия Великого («Четьи-Минеи» свт. Дмитрия Ростовского. Май, день 15, «Житие прп. Пахомия). То есть изо рва грехов, страстей, своей безчувственности взывать молитвенно ко Господу с сердечным плачем души.

С ЛИНИИ СЕРДЕЧНОГО ФРОНТА...

«Сын Мой! Отдай сердце твое Мне и глаза твои да наблюдают пути Мои»
ср. Притч. 23, 26

Вопрос: *Вы говорили, что при первом появлении помысла важно сразу не дать ему сердечного сочувствия, оттолкнуть. Получа-*

ется, при молитве приходится наблюдать за сердцем, за его движениями?

Ответ: Естественно, потому что именно «*из сердца бо исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы*» (Мф. 15, 19). А зарождаются они в нашем сердце из-за нашего сочувствия тому, к чему оно имеет склонность, расположение. По часто приходящим помыслам можно определить самого себя, узнать, что мы любим — или поесть, или суету, или блудные мечтания... По плодам узнать, какое я дерево: окультуренное или дикое и малоплодное, и нужно обрезать сухие ветви.

Вопрос: *Такое наблюдение за сердечными склонностями и движениями не является ли «стоянием ума в сердце», как пишут святые отцы о Иисусовой молитве?*

Ответ: Нет, стоять умом в сердце можно тогда, когда Господь благодатию соединит ум с сердцем. Человек чувствует изменение внутри себя, что-то в нем произошло, получает некую способность. И он может замечать приближение помысла и несомое им еще издалека, скажем, тщеславие, осуждение или другое что. А может оттолкнуть помысел, еще не различив. Человек понимает чуждость помысла, отвлекающего его от беседы с Чистым. И всякую нечистоту просто отталкивает. О чем идет речь, Господь в свое время дает ощутить практически. Теоретически данное делание не усваивается. Слепому от рождения можно объяснить, что значит видеть глазами, но от знаний он не становится зрячим. Нужно чудо исцеления Богом «слепорожденного» (ср. Ин. 9, 6-7). Да поможет нам Господь сердечно прозреть в свое время!

Вопрос: *Во время Иисусовой молитвы можно ли оставить произношение, пусть и беззвучное, а умом удерживать сам смысл слов. Не есть ли это так называемая «умная молитва»?*

Ответ: При правильной молитве разовьется глубокое сердечное сочувствие смыслу. Это происходит естественным образом, а не как-то искусственно. Одно дополняет другое: смысл вызывает сочувствие, сочувствие укрепляет внимание к словам. Тогда человек молится Богу и словесно, и умно, и сердечно. «*Идеже бо еста два или три собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*» (Мф. 18, 20). Посмотри, как просто мать молится о своем ребенке: сердце болит за чадо, в словах изливает душу. В покаянии, со вниманием предстоя пред Богом, через чистую молитву мы соединяемся с Ним. В этом вся наша цель. Поэтому оставление молитвы является для монаха и христианина вообще падением, даже точнее, отпадением от Бога.

65-летию победы в Великой Отечественной войне посвящается

ВСЯ ДУША ИЗЛИВАЛАСЬ В МОЛИТВЕ

Рассказ

– Это было в первые дни войны, – вспоминал фронтовик Алексей Федорович, – когда наша дивизия с боями отходила в глубь России. Я постоянно старался молиться. И в тот день перед боем не оставлял своих молитв: призывал Матерь Божию, Господа Иисуса Христа и своего святого, Алексея, человека Божия, просил явить свою милость, защитить и сохранить. Скоро начался бой, в котором я был ранен. Упал, хотел встать, но не смог – были перебиты голени. Понял, что не смогу сдвинуться с места, и стал молиться Заступнице нашей Владычице Богородице о милости и помощи, однако сознавал, что человеческой помощи ждать не от кого, поэтому возложил все упование на Господа, веря в милость Его. Вся душа изливалась в молитве, особенно к Матери Божией.

Лежу, молюсь и вдруг слышу в отдалении немецкую речь и редкие выстрелы из автоматов. Понял – немецкая трофейная команда обыскивает трупы убитых солдат и особенно командиров: ищет документы, карты, письма, ценности, оружие, а тяжелораненых пристреливают. Один из них подошел ко мне, ударил ногой по перебитым ногам, наклонился и стал обыскивать...

Поднял я руку и трижды перекрестился, сказав: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного, и душу мою». Немец опустил автомат, внимательно посмотрел на меня и сказал: «Гут, гут»; полез в вещевой мешок, достал фляжку, пакет, завернутый в целлофан, мои документы, часы надел мне на руку и, коверкая русские слова, сказал: «Кует, лес, кует, лес». Я опять перекрестился, немец дал короткую очередь из автомата в землю рядом со мной и, махнув в сторону леса, повторил: «Лес, кует». Повернулся и пошел, а я

начал еще истовее молиться Богородице и безпрерывно повторял: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного».

Так я остался жить.

Стрельба затихла, трофейная команда ушла с бывшего поля боя, я приподнял руку и увидел, что уже почти семь часов вечера, это значило, что десять или одиннадцать часов я находился без сознания, лежа на поле боя. То, что произошло, была великая милость Господа, это было необъяснимое чудо, явленное мне, грешному: по немецким законам войны я должен был обязательно быть застрелен, но то, что перекрестился, спасло меня, и я еще и еще раз возблагодарил Господа и Заступницу нашу Богородицу.

Стало темнеть, решил попытаться доползти до кустарника, ведь не зря немецкий солдат сказал: «Куст, лес», он хотел моего спасения, и я пополз, хватаясь руками за траву, корни, кочки. Перебитые ноги болтались, цеплялись за землю, затрудняли движение, вызывали неописуемую боль... но я продолжал ползти, безпрерывно, когда был в сознании, взывая о помощи к Богородице, своему святому, Алексею, человеку Божию и просил Господа помиловать меня, грешного.

Прозрачная августовская ночь покрыла землю, а я все полз, полз и полз, хотя до кустарника было не больше двухсот метров. От боли и слабости обезсилел, но наконец ухватился за корни кустов, подтянулся, заполз вглубь и полностью отключился от окружающего меня мира... Слышу, кто-то тормошит: «Дяденька, ты живой или мертвый?» Открыл глаза и увидел трех мальчишек, стоящих около меня на коленях. Сказал о перебитых ногах.

Ребята о чем-то поговорили, и один из них убежал, двое остались, помогли достать фляжку, данную немецким солдатом, дали выпить несколько глотков, вероятно, коньяка... Вскоре прибежал третий мальчишка, принес большую ватрушку с творогом и бутылку молока. Немного поев, продолжал молиться, но плохо что помнил: потом ребята говорили, что молился вслух.

Вскоре все смешалось... Пролежал весь день в кустах... чтобы унять боль, продолжал молиться... Ночью почувствовал, кто-то толкал, что-то спрашивал, увидел высокого старика, двух женщин и одного из мальчишек, нашедших меня. Стали поднимать за плечи и сломанные ноги, как меня несли, не знаю. Через какое-то время появилась невысокая старушка и стала меня осматривать. «Голова, руки, грудь, живот – ран нет,

а с ногами плохо, кости во многих местах перебиты и опухоль до ужаса большая, как бы антонов огонь не начался...» Ко мне обратилась: «Звать-то как? Алексей, говоришь, имя хорошее, доброе. Ежели в Бога веруешь, молись Пресвятой Богородице, читай молитву «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых». Знаешь молитву, аль нет?» Ответил: «Знаю». – «В голос читай, в голос. Больно будет – кричи во все горло, сейчас все от Господа зависит, вся надежда на Него, я только бабка-костоправка, уложу косточки, распаренной корой обложу, щепки и палки веревкой к ногам привяжу и стяну крепко. Знаю, милый, больно, ох, как больно будет, а ты Богу и Пресвятой Богородице молись, и мы все за тебя молить Господа будем, помощник у тебя какой великий – Алексей, человек Божий, и он с нами здесь будет. Молись».

Перекрестилась, и на меня крестное знамение положила. Вероятно, долго укладывала сломанные кости ног, я был без памяти. Рассказывали мне потом, что кричал я сильно, то молитвы читал, то замолкал, словно умерший; ничего не помню... Всю ночь возилась со мной бабушка Анна, закончила, на лавку упала от усталости и стала со всеми молиться о моем здравии. Все знаю по рассказу. Посидела-посидела бабушка Анна, отдохнула, а я в это время в сознание пришел. Перекрестила меня бабушка и сказала: «Как умела, так и сделала, что в силах моих было, теперь все упование на Господа и Заступницу нашу Матерь Божию возложи и на святого твоего – Алексея. Кормить тебя надо хорошо. Зайду еще ко времени не один раз».

Выхаживали меня Марфа Павловна и Петр Сергеевич, отец ее мужа Николая, который был в армии: вестей не было, и только в 1945 году сообщили, что убит был в 1941 году. Семья была глубоко верующей. Утром вставали все в одно время, приводили себя в порядок и сразу начинали читать утренние молитвы. В субботу читалась вечерня и утреня, четко, отчетливо, оттеняя каждое слово, произносил Петр Сергеевич, а в воскресенье вся литургия. В деревне когда-то была церковь, и вся семья регулярно ходила каждое воскресенье к обедне. В 1935 году церковь закрыли, священника арестовали и вскоре расстреляли. Со слезами на глазах говорил Петр Сергеевич о расстрелянном священнике, которого прихожане любили, и церковь всегда была полна народа. «Вот теперь только дома и молимся», – говорили они.

Первых три недели ноги болели ужасно, пошевелить пальцами ног было невозможно. Ни днем, ни ночью не спал целый месяц, говорить с домашними не мог, только молился вслух или про себя, это единственное, что отвлекало от боли. Большую часть дня лежал один.

Немцы деревню не трогали, назначили полицая – парня из этой деревни. Пьяница отчаянный, зашел к нам, увидел меня, лежащего на топчане с перевязанными ногами, что-то промычал, потоптался и сказал: «Дед, я – молчок, каждую неделю две бутылки самогону-первача, и делов никаких не будет. Понял?» – и ушел. Приходил староста, я уже на костылях ковылял, посмотрел на меня и сказал Марфе Павловне: «Считай

его своим примаком», – это означало временным мужем и работником.

Прошло шесть месяцев, я уже хорошо ходил, только ночами и в плохую погоду в ногах возникали тянущие боли. Господь хранил семью и меня, немцы деревню не трогали, только отобрали коров и лошадей, а свиней и овец крестьяне сами прирезали, мясо засолили и убрали в вырытые на огородах ямы.

Семь месяцев прожил я в этой семье, сроднился с ней, полюбил этих глубоко верующих людей и, нечего греха таить, полюбил Марьюшку всей душой. Ранили меня в августе 1941 года, сейчас был март сорок второго, и совесть твердила мне, что идет война и что надо как-то перейти фронт и вернуться в армию. Собрали меня: куртку теплую, брюки ватные, сапоги достали новые, заплечный мешок, флягу с самогоном и трофейный пистолет с патронами. Перед уходом Петр Сергеевич начал читать молитвы, потом Марфа Павловна прочла акафист Божией Матери «Скоропослушнице».

Вдруг Марьюшка заплакала, уткнулась в грудь матери, а та и говорит: «Давно вижу – любите друг друга, и знаю, Алексей себя соблюдал и любовь свою скрывал... Не буду мешать любви вашей, положимся на волю Господа и Царицы Небесной. Уходишь в опасный путь, верю – защитят тебя Силы Небесные, окончится война – придешь к нам и возьмешь Марьюшку в жены, а ныне материнское благословение положу на вас. Вручаю тебя покровительству Царицы Небесной, молитесь Ей постоянно». Благословили они нас иконой Божией Матери «Феодоровской». Марьюшка бросилась ко мне на грудь, заплакала, сам в слезах от радости, целую ее, и никак оторваться друг от друга не можем. Слышу, Петр Сергеевич срывающимся голосом говорит: «Веру в Господа умножайте и не только мужем и женой будьте, а друзьями, помощниками: в бедах, радостях и скорбях волю Бога находите, не ропщите и людям помогайте, помните слова Послания, сказанные апостолом Павлом: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6, 2)...

Обнял я Петра Сергеевича и Марфу Павловну, поблагодарил за все сделанное: за уход, лечение, заботы, за все, за все. Поклонился в ноги, а Марьюшка, прощаясь со мной и плача, говорила: «Ждать тебя, Алеша, до конца жизни буду, только бы Господь нас сохранил».

Благословили еще раз меня, и ушел я сейчас же в ночь.

С Божией помощью удалось пройти по территории, занятой немцами. Обходил разрушенные деревни, скопление немецких войск, как-то удавалось ускользнуть от вражеских патрулей. Господь и Матерь Божия хранили. Однажды в лесу ночью неожиданно наскочил на немецкую часть, уходил долго, гнались с собаками, но ушел. Добрался до фронта, всюду немецкие части, но все же удалось ночью проползти глубоким оврагом к нашим.

Встретил наше боевое охранение, бросился радостный, говорю – ранен под Смоленском, хорошие люди помогли, никто не слушает, связали руки и доставили в особый отдел... Допрашивали три дня день и ночь, а я пытаюсь сказать: ранен, посмотрите ноги – ничему не верят... Потом был лагерь. Пробыл пять месяцев на лесоповале, и вновь фронт – попал в штрафной батальон. Бросали всегда в самое пекло. В первом же бою был приказ выбить немцев из первой линии обороны, закрепиться. Поднялись и пошли на передний край немецкой обороны, видны проволочные заграждения, высокий земляной накат. Пробежали метров двести, немцы открыли шквальный огонь из автоматов, пулеметов, гранатометов, орудий. Бежал вперед со всеми, мысленно повторяя: «Господи Иисусе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!» Повторял безпрерывно, других молитв в мыслях не мог держать, ибо эта молитва была краткой, но вмещала в себя смысл и устроение всех молитв к Богу, и, молясь, понимал, что каждое мгновение могу быть убитым, и от сознания этого еще более углублялся в молитву и в то же время видел происходящее вокруг.

В первые минуты немецкого обстрела половина батальона полегла убитыми и ранеными, а кто успел уцелеть и добежать и пытался преодолеть проволочные заграждения – остался висеть убитым на колючей проволоке. Все же часть оставшихся в живых, в том числе я, ворвались в немецкие окопы и в жестокой рукопашной схватке уничтожили немцев, заняли большой участок обороны.

Демобилизовался из армии лейтенантом в июле 1945 года, приехал в Москву к маме. Из армии и как только демобилизовался, писал письма Марьюшке и всей душой стремился к ней, но не мог сразу поехать. Но вот оформился на работу и поехал под Смоленск, к Марьюшке, и только одна мысль: скорее встретиться. Добрался до «выселок». Первой встретил Марфу Павловну: обнимаю, целую, плачем оба и первый вопрос, где Марьюшка? А она первым делом говорит: «Давай возблагодарим Господа и Владычицу нашу Богородицу, под покровительство Которой вручала тебя и Марьюшку, что сохранила вас», и стали молиться. Потом только стала рассказывать Марфа Павловна, а я весь в ожидании Марьюшки, что с ней стало за эти годы? Расставались – было ей шестнадцать лет, а сейчас двадцать один год, все могло случиться. Но вот скрипнула дверь, и вошла моя Марьюшка, а я за занавеской притаился, и первые же ее слова были: «Мама, от Алеши письма не приносили?» Лицо, руки у рукомойника вымыла, одернула и встряхнула платье и вечным женским жестом стала поправлять свои волосы, заплетенные в косы. Я подошел тихонько, обнял ее, – вздрогнула вначале испуганно и гневно начала вырываться, обернулась, обхватила меня руками, до боли сжала мою голову и только шепчет: «Алешенька! Алешенька! Милый, вернулся, вернулся! Благодарю Тебя, Господи! Благодарю Тебя, Матерь Божия!» Вошел и Петр Сергеевич, радости конца не было, но первые слова его были: «Помолимся Богу!» Постарел, осунулся он, шел ему уже семьдесят первый год. Марфа Павловна приготовила обед, разложила продукты, привезенные мной, сказав: «Алеша! Голодно в деревне, лебеду едят, отнесу кое-что людям, и особенно бабушке Анне». Ушла, а мы трое остались и стали рассказывать и расспрашивать друг друга...

Через два дня зарегистрировали мы с Марьюшкой в сельсовете свой брак, а потом уже и обвенчались. Зарегистрированный брак отпраздновали пирогом и позвали бабушку Анну – мою врачевательницу.

«Чудеса в годы войны».
ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ, 2010.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ВОСКРЕСЕНИИ ХРИСТА

...Грек Гермидий занимал официальную должность биографа правителя Иудеи... До самого распятия он считал Христа обманщиком. Поэтому он по собственной инициативе отправился в ночь под Воскресение ко гробу, надеясь убедиться в том, что Христос не воскреснет и тело Его навсегда останется в земле. Но вышло иначе. «Приблизившись ко гробу... — пишет Гермидий, — мы видели в слабом свете ранней зари стражу у гроба: два человека сидели, остальные лежали на земле, было очень тихо. Мы шли очень медленно, и нас обогнала стража, шедшая ко гробу сменить ту, которая находилась там с вечера. Потом вдруг стало очень светло. Мы не могли понять, откуда этот свет. Но вскоре увидели, что он исходит от движущегося сверху сияющего облака. Оно спустилось ко гробу, и над землей там показался Человек, как бы весь светящийся. Затем раздался удар грома, но не на небе, а на земле. От этого удара находившаяся там стража в ужасе вскочила, а потом упала. В это время к гробу справа от нас по тропинке спускалась женщина, вдруг она закричала: "Открылась! Открылась!" И в этот миг нам стало видно, что действительно очень большой камень, лежащий на гробе, как бы сам собой поднялся и открыл гроб. Мы очень испугались. Через некоторое время свет над гробом исчез, стало тихо, как обыкновенно. Когда мы приблизились к гробу, оказалось, что там уже нет тела погребенного Человека».

Сириец Эйшу, известный врач, близкий к Пилату и лечивший его, относился к числу наиболее выдающихся людей своего времени. Виднейший медик и натуралист, пользовавшийся широчайшей популярностью на Востоке, а потом и в Риме, он написал произведения, которые составили целую эпоху в науке. Недаром историки науки считали, что он по праву занимает место как врач рядом с Гиппократом, Цельсом, Галеном, а как анатом — рядом с Леонардо да Винчи и Везалием; только малоизвестный язык, на котором он писал, поме-

шал его признанию. Далее важно то, при каких обстоятельствах Эйшу наблюдал описанное им. По поручению Пилата он с вечера накануне Воскресения находился вблизи гроба с пятью своими помощниками, которые всегда сопутствовали ему. Он же был свидетелем погребения Христа. В субботу он дважды осматривал гроб, а вечером по приказанию Пилата отправился сюда с помощниками и должен был провести здесь ночь. Зная о пророчествах относительно Воскресения Христа, Эйшу и его помощники-медики интересовались этим с точки зрения естествоиспытателей. Поэтому все, связанное с Христом и Его смертью, они тщательно исследовали. В ночь под Воскресение они бодрствовали по очереди. С вечера его помощники легли спать, но задолго до Воскресения уже проснулись и возобновили наблюдения за происходящим в природе. «Мы все — врачи, стража и остальные, — пишет Эйшу, — были здоровы, бодры, чувствовали себя так, как всегда. У нас не было никаких предчувствий. Мы совершенно не верили, что Умерший может воскреснуть. Но Он действительно воскрес, и все мы видели это собственными глазами». Далее следует описание Воскресения...

Лабиритиос в момент Воскресения Христа оказался со своими чиновниками недалеко от места захоронения Христа. Они ясно видели падение камня, закрывавшего гроб, поднявшуюся над этим местом небывало ярко сияющую фигурку. Лабиритиос вместе со своими спутниками и сторожами бросились сообщить об этом властям...

Это только небольшая часть источников, где говорится, что Христос действительно воскрес. Чрезвычайно показательно, что ряд свидетельств мы находим у еврейских авторов того времени, хотя вполне понятно, что евреи склонны всячески замалчивать факт Воскресения.

Миферкант был одним из членов Синедриона, казначеем. Именно из его рук Иуда получил за предательство 30 сребреников. Но когда после Воскресения Христа среди иудеев поднялась тревога, Миферкант был первым из членов Синедриона, прибывших на место для расследования. Он убедился, что Воскресение свершилось. Ему довелось быть у гроба Господня почти перед самым моментом Воскресения. Он прибыл сюда для оплаты стражи, стоявшей у гроба... Выплатив деньги, он ушел, стража осталась до конца смены... Но не успел Миферкант далеко отойти, как громадный камень был отброшен неведомой силой. Возвратись назад ко гробу, Миферкант еще успел увидеть исчезающее сияние над гробом. Все это им описано в сочинении «О правителях Палестины», которое принадлежит к числу наиболее ценных и правдивых источников из истории Палестины...

Из докладной записки в ЦК КПУ академика АН СССР, директора Института украинской литературы А. И. Белецкого.

«НЕПОЗНАННЫЙ МИР ВЕРЫ»

Из древних христианских преданий

РАЗБОЙНИК

Рассказ

Южная ночь со своим темным таинственным небом стояла над пустыней. Тысячи огней переливались в вышине: они сияли величаво и молча, не нарушая тишины сосредоточенной природы. И всякий раз, как звезда вспыхивала ярче, казалось, что она силится выразить чудную мысль; но все эти мысли не спускались на землю, а оставались гореть там, в загадочной неизмеримой дали Небес. Громадная пустыня в этой ночи неподвижно дремала, точно не было жизни ни в ней, и нигде поверх ее, до самых сияющих мыслями звезд.

Но в пустыне были люди. Чуть в стороне от дороги, за песчаным холмом, притаилась шайка разбойников. Они вышли на добычу и ждали.

Один из них лежал на спине, подложив руки под молодую голову, и смотрел в опрокинувшееся над ним Небо.

«Хорошо бы, – думал он, – пролежать так всю жизнь и все глядеть, ни о чем не думая, и чтобы все кругом было спокойно, без криков и крови, и чтобы совесть... Не молчит она, не молчит... И так еще молод, а весь в крови. Детство без матери, где-нибудь в пещерах, а потом ранние грабежи... исступленная шайка... Тяжелая жизнь!»

Чу! Люди встрепенулись: по дороге едут.

Кровь в молодом разбойнике разгоралась: он заслышал дело, и все его жалобы сразу забылись. Впереди других он стал тихо красться к дороге.

Издалека доносился неторопливый стук копыт по каменистой почве. На дороге показался осел. На нем сидел Кто-то, закутанный длинным покрывалом, а около шел еще человек.

«Стой!» – раздалось вдруг среди тишины, и путники были мгновенно окружены. В эту самую минуту из-за дальней горы выплыл месяц и озарил странников мягким светом. Около осла стоял в бедной одежде высокий и худой старец простого и величественного вида. Глаза его смотрели спокойно и безстрашно: он помог молодой Матери, Которую сопровождал, сойти на землю. Она придерживала у Своей груди Младенца. Сойдя на землю, Она откинула покрывало. Смущенный шепот пробежал среди разбойников.

То было невыразимо-ясное детское лицо невиданной строгой красоты, и непорочный взор, светившийся материнской любовью. Этот взор от Младенца, покоившегося у Нее на руках, точно уходил мимо этой ночной дороги и толпы разбойников в какие-то далекие края, где была Ее душа.

Неподвижно стояли разбойники перед бедными путниками и не смели произнести ни слова. И когда самый закоренелый из них взял за узду осла, старик произнес властным голосом: «Оставь нас, это – Младенец Иисус и Мать Его – Дева Мария». А молодой разбойник сказал на ухо товарищу так, что тот дрогнул, столько было угрозы в его шепоте: «Оставь их, они свободны».

Младенец проснулся; Мать Его подняла Его выше, и Он отвел от Ее груди Свою голову.

Лучи луны точно собрались вокруг Младенца ярким голубым сиянием, и в этом сиянии Он сидел, как на Престоле, на руках Своей Матери. Ясным взором Он обвел толпу и остановил его на разбойнике. То была тайна, что сказал ему этот взор, но разбойник затрепетал и в восторге воскликнул, падая на землю: «Это Бог, принявший на Себя человеческий образ!» И тогда все склонились пред святым Младенцем. Лучи сияли все ярче и ярче, и в пустыне было тихо, торжественно и чудно.

А когда они поднялись, Младенец снова покоился на груди Своей Матери.

Молча старец помог Деве сесть на осла; молодой разбойник взялся за повод и повел. Отходя от Девы, он слышал, как Она сказала ему: «Этот Младенец воздаст тебе благим воздаянием».

Ему казалось, что от звезд, с Неба, ветер ночной донес до него этот голос, и каждый звук тех слов запал ему глубоко в душу.

Путники уже скрылись в полутьме дороги, а молодой разбойник долго еще стоял, находясь под обаянием невыразимого явления.

Над пустынною глубокою долиной близ Иордана расстилалась темная ночь. Звезд не было, хмурые тучи заволокли Небо, ветер скатывался с краев долины в обрыв и сердито гудел.

К одной из стен долины прислонился разбойничий табор. У дымных костров варили пищу, и разбойники, плотно кутаясь в теплые плащи, тихонько беседовали. Невдалеке дремали лошади, привязанные к длинному натянутому канату. Поодаль от костров была видна высокая тень предводителя разбойников, который, понурив голову и прислушиваясь к вою ветра, ходил взад и вперед по песку.

Между тем, разбойники, часто поглядывая в сторону атамана, замышляли его погибель. Слышались презрительные отзывы: «Неженка, милостивец, сердобольный! Не пропадать же нам из-за него, – говорили они, – всех стариков на волю отпускает, женщинам защитник, ребенка на днях прихлопнуть хотели, чтоб нас не выдал – так чуть своего человека не уложил. Без конца один всеми не доволен. Еще предаст». И имя предводителя переходило из уст в уста, с проклятиями и угрозами. Решено было подкрасться к нему ночью и покончить разом.

А атаману было тяжело. Эта ночь казалась ему такой же мрачной, как его жизнь. Он глядел на безответное Небо, без просвета, без лучей – и ему становилось жутко. «Так и я, – думалось ему, – хочу, чтоб не лилась кровь, не глядели бы так страшно глаза убитых, не плакали бы дети! И ничего не знаю, не умею, кроме этого... Никто не научит. Ропщут они: кровь я жалею, мало убиваю... А за убитых, если спросится, когда жизнь закончится, как на этом небе, и опустится ночь... Уйти от них на простор, с кораблем по морю. Пусть буря разобьет, а то – на кресте распнут с проклятиями. И что-то внутри укоряет и жжет... Кто бы пожалел, наставил! Говорят, ходит по Галилее Человек, учит добру, больных исцеляет, мертвых воздвигает, во взгляде Его сияет свет. О жизнь, жизнь! Уйти туда на простор, а там уплыть по морю от этой ужасной ночи». Разбойник схватился за голову обеими руками и замер.

Вдруг послышались крики ожесточения, отчаяния: «Измена, обошли!» Множество людей, невидимо откуда, налетело со всех сторон на табор, все выходы были заняты, полетели острые стрелы. Застигнутые врасплох, разбойники с отчаянием вскакивали, отбивались, но через короткое время разбойники обезсилели и были захвачены в руки сильного римского отряда, искусно сумевшего обойти их. Оборонявшегося без оружия, но ожесточеннее и дольше других, атамана этой знаменитой шайки под сильным конвоем повели скованного в Иерусалим.

На Голгофе был мрак, стон и ужас...

Среди дня на Вселенную надвинулась темнота, и только где-то низко на Небе колыхало кровавое зарево, бросавшее отблеск на место казни.

Безчисленные толпы народа, бряцание оружия, сдержанный многоустный шепот, проклятия, плач, ненависть, сомневающаяся вера, невыразимые сожаления окружали высокий Крест, на котором распяли Человека. Над головой Его висела надпись: «Иисус Назорей – Царь Иудейский».

Христос страдал... И с каждым мгновением Его страданий очищалась безконечность человеческих согрешений, бывших от века и будущих. И в каждый миг Христос одновременно переживал соединенные муки целых поколений, тяжесть тайных, не открывшихся ужасов, гнетущих человеческих скорбей. И сила зла все ослаблялась, клеймо проклятия сходило.

Христос страдал... У Креста стояла Мать невыразимой красоты, с пронзенным сердцем смотрела на Распятого, и с каждым мгновением Его страдания – оружие глубже и глубже вонзалось в Ее душу. По другую сторону стоял любимый ученик, чтобы свидетельствовать.

Вокруг было немое смятение. Голоса поносивших уже прекратились. Солнце померкло, чтобы не светить над этою казнью, и никто не мог вернуть ему его света – и тогда люди замолкли. Страх чего-то громадного, совершавшегося вокруг этого Креста, охватил всю толпу, окутанную темнотой. И она перестала глумиться. Римские когорты дрогнули и стояли в безмолвии. А ужас природы все усиливался. Воздух, раскаленный жгучим сухим вихрем, теперь застыл – неподвижен, тяжел и удушлив. Мрак становился все гуще. Заря пылала все кровавее. Но ее свет как бы гас сам в себе, оставляя в темноте очертания дальних гор и скал. Последние преграды между Богом и землею с грохотом рушились – Христос страдал все ужаснее...

По обе стороны Распятия стояли два креста пониже. На них висели разбойники. Один, с искаженным от боли лицом, скрежеща зубами, ворочал гневно головой и испускал проклятия и ужасную брань. Другой молчал, голова его с курчавыми волосами свесилась на грудь. Он казался еще не старым, и многие смотрели на него с состраданием.

Безчеловечное мучение, которое терпел разбойник, было для него легче той предсмертной тоски, которая сдавливала его душу. Он боялся конца жизни и начала чего-то, еще более страшного – другого. И жаль, что этой жизни нельзя теперь вернуть и стать иным. В воспаленном мозгу поднялись с болью старые воспоминания: одинокое детство среди разбойников, простор пустыни, темные ночи; где-нибудь в камышах, у дороги, ждут разбойники. Его тоже взяли, сердце замирает – страшно и сладко. Ветер сердито воет, ночь шепчется.

Вот едут... разбойники ждут. Кони храпят – ближе, ближе... и вдруг с криком вылетели: бойня, кровь, и потом все тихо, тихо, так зловеще тихо.

А вот его первое убийство. Перед ним лежит в богатой одежде дородный фарисей. Он умер, а глаза уставились, глядят еще... на него глядят.

А вот, после добычи, на несколько дней отдых. Крови нет, опасности нет. Целые ночи под Небом – и мечтается: отчего это у одних всего так много, а другим надо брать силой, и одни учены, а ему так никто ничего не объяснил. Звезды погаснут, загорится заря, выплывает солнце – и так чисто все вокруг, безмятежно, хочется Кого-то хвалить и славить... Себя станет стыдно, и так грустно за все, что совершилось в жизни. Нечистое создание, мерзкая жизнь!..

А тело ноет, невыносимая боль, жилы натянуты, страшная жажда, и отовсюду жжет как в огне, гвозди разрезают тело, суставы ломаются... Вот забытье, тихо, темно – только на Небе звезды горят – укор в них... Тогда звали, не пошел... Гудит, зовет... Громче все... Блеск, простор какой, плещет океан. Волны одна за другою рокочут, сменяются – воздух свободы, все волны, волны плывут. А там где-то солнце сияет, туда!.. Чьи-то глаза светлые, правдивые. Младенец, руки поднятые: так Целитель снился. Его бы, Его! Нет. Без Него – судьба гибнуть тут на кресте! Он висит, тело ноет... Последний час – темно, страшно темно. Да!.. говорили, Он тут – Иисус из Галилеи, он Его еще не видел...

Разбойник открыл глаза и повернул голову к Распятию.

Слева от него, на большом Кресте в центре, был распят Тот, о Ком говорили, что это Иисус из Галилеи.

Разбойник увидел Того, Кого хотел видеть.

У Креста, поддерживаемая юношей, стояла плачущая Мать, и вблизи Нее плакали другие женщи-

ны. Немного дальше стояли те, кто, по-видимому, так жаждали смерти и страданий Мученика: их лица были ужасны. Они насмешливо издевались, говоря: «Если Ты Сын Божий, сниди со Креста, и мы уверуем...»

Но что это? Некоторые из народа, пришедшие смотреть, бьют себя в грудь и говорят: «Он невинен, слышите, Он молится за Своих распинателей: «Отче, прости им, они не знают, что творят».

Эти возгласы привели разбойника в себя.

Кто же Этот Распятый? Взглянуть бы в Его глаза. Он, видимо, невинно страдает. Он исполнен Любви даже к Своим врагам. А эта бедная так плачет, видно, Мать Его.

В это время с другого креста послышались насмешки к Распятому Иисусу.

Разбойник встрепенулся: «О, как ты смеешь смеяться над невинным Страдальцем! Он делал только Добро, а сейчас страдает от людской злобы и зависти и молится за Своих распинателей Отцу Своему. Опомнись! Что мы с тобой сделали доброго?! Вся наша жизнь прошла в разбое и убийствах. А Этот никакого зла никому не сделал». И, обратившись к Иисусу, разбойник воскликнул: «Помяни мя, Господи, когда придешь во Царствие Свое».

Иисус обратил Свой взор на разбойника.

О, эти глаза, сколько Любви было в них, и разбойник услышал голос: «Истинно говорю тебе: ныне со Мною будешь в Раю».

Разбойник вострепетал от восторга: да, этот взор ему знаком. Так точно тридцать лет тому назад смотрел на него – Тот Младенец, к Которому так стремилась его душа. Да, это Он – это Бог, принявший на Себя человеческий образ. Да, только к Нему и в обещанное Им Его Царство рвется теперь душа... Да, от Него исходит мир, с Ним радость, спокойствие, и ничтожны телесные муки. Да, к Нему и только к Нему, моему Спасителю.

Иисус обратился к плачущей Матери и голосом, полным сострадания и Любви, сказал: «Жено, это Твой сын». А ученику, Ее поддерживающему: «Это Мать твоя». И вспомнил разбойник слова, сказанные ему когда-то в пустыне: «Сей Младенец воздаст тебе благим воздаянием».

Да, все невозможное совершилось! Прощенное сердце успокоено – все духи зла, преследовавшие его, изгнаны Богом в преисподнюю. Покаявшаяся душа, вкусившая на миг Чистоту и совесть, стремится только туда – за Ним, Богом и Человеком, Иисусом Христом. За Истинным Мессией – в Его Царство Чистоты и Святости.

Евгений Поселянин.
Сборник «ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!»

Христианские поэзия

ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ

Этот день он важный самый
Для тебя и для меня.
Воскресение Христово –
Красный день календаря.
Красный он – от крови Божьей,
Что за нас Он проливал.
Красный свет лучей священных
Путь Иисусу освещал.
Красный он, как то яичко,
Изменившее свой цвет.
Красный он, ведь краше чуда
Не видал наш белый свет.

М. Г. Рассказова, г. Лебедянь

Пасха, вечно живая, Пасха!
Благодатью Святого огня,
Божьей милостью, будто сказка,
Изливает Свет на меня.

Я великой России частичка.
В храме Гроба Господня стою,
Залетевшая, словно синичка,
Со слезой о прощенье молю.

Отзывается дрожью Чудо,
Заполняет сердца повсюду.
Благодать и радость велию
Пошли, Господи, людям в Россию.

Т. Долгова, г. Петушки, Владимирской обл.